
Эви Скорп
Дракула
и
Порог молчания
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Эви Скорп

Дракула и Порог Молчания

«Автор»
2026

Скорп Э.

Дракула и Порог Молчания / Э. Скорп — «Автор», 2026

Ада — дочь самого Сатаны. Стервозная и слишком своевольная для демоницы. На Земле её видят чаще, чем в замке, за что она уже не раз получала от отца.Однажды в парке она знакомится с Деймоном — саркастичным наследником богатой семьи Адраама, который обожает доводить брата и лезть туда, куда не просят. Он не знает, кто она. Пока не знает.Но всё меняется, когда из Хирвода — тюрьмы для опасных душ — похищают душу маньяка. Сатана отправляет Аду на Землю найти беглеца. Когда она сама раскрывает Деймону тайну, он предлагает помощь. У него свой интерес: его брат Рафаэль недавно вернулся из-за границы, и с ним что-то не так.Вдвоём они начинают охоту. Но чем ближе к разгадке, тем яснее: убийца уже нашёл новое тело. А ещё Аде предстоит узнать, что тайны были не только у неё, но и у её семьи. Тайны, о которых не подозревали даже сами члены семьи Сатаны.Можно ли спасти того, кто стал монстром? И чем придётся пожертвовать, чтобы защитить тех, кого любишь?

© Скорп Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Эви Скорп 5
Напутствие 6
От Автора 7
Глава 1. 8
Глава 2. 15
Глава 3. 18
Наше время. 18
Глава 4. 30
Глава 5. 39
Глава 6. 45
Глава 7. 51
Глава 8. 56
Глава 9. 62
Глава 10. 69
Глава 11. 75
Глава 12. 80
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Эви Скорп
Дракула и Порог Молчания

Эви Скорп

Эви Скорп

ДРАКУЛА

и

ПОРОГ МОЛЧАНИЯ

Напутствие

Все что вы прочтете — плод моей бурной фантазии. Верить в это не стоит, ведь лгу я также хорошо, как и сам Люцифер.

От Автора

Ни введения, ни пролога не ожидайте. Эта история начнётся так же неожиданно и резко, собственно, как и её сюжет пришёл мне в голову.

Эта история о дочери Сатаны, которая будет часто оказываться на земле. И пока все будут биться об заклад, чтобы забрать её обратно, от греха подальше, она будет использовать свои силы, своё обаяние и свои клыки, пытаясь спасти чужую душу и заодно раскопать тайны прошлого. Ведь мало кто знает, что Дракула — и есть тот самый Сатана. Да-да, тот самый величественный вампир, окажется властелином Ада. Как они связаны? Всё просто. Дракула — существо, питающееся кровью, тем самым убивая людей, забирая их души в Ад. Этот грех он носил на своих плечах много веков, прежде чем люди стали замечать частую пропажу туристов, и в один прекрасный вечер не обнаружили гигантский, пугающий замок среди густого леса, находящегося вблизи с обрывом. Вы думаете, они сразу поняли, *кто* такой Дракула? Сразу поняли его замыслы и сразу узнали о его грехах? А я скажу вам, что люди сами прозвали его Дракулой. Как раз за его деяния и помыслы. Но лишь грехи ли он носит на своих плечах? Есть ли у Сатаны свои тайны? И как они могут повлиять на жизнь и судьбу других?Я уже предвкушаю ваши непонимающие лица, которые не могут собрать всё в единую картину. Именно поэтому начните читать, и всё прояснится. (нет).

~ Ваша Скорп.

Глава 1.

А начнётся эта глава.... Вновь от моего лица. Должна же я исповедовать вам начало всей данной суматохи.

Итак, началось все еще в далеком четырнадцатом веке... Тогда о существах, которые шастали по улицам только ночью в поисках глупых людишек, еще никто не знал. И удивительно, ведь эти существа жили там с самого начала. Ведь именно они и создали такое масштабное великолепие, как Трансильвания. Ничего нового для современного общества.

Так вот. Все жители стали замечать пропажу людей только в четырнадцатом веке. Почему? Невнимательность всегда была присуща людям. А также большинству людей принадлежит такая черта, как безразличие. Вы думаете в те времена люди не говорили: Не я — уже хорошо, Слава Богу! Не меня!? Всегда существовали черствые и жестокие люди. Знаете таких, которые говорят сначала Да чтоб ты сдох!, а когда это происходит, то мнение их меняется на Я же не хотел! Я со злости! Господи за что!. А ведь более умные люди говорили им, что мысли материальны.

А знаете почему так? Потому что тот, кто творит зло и тьму всегда находился среди нас. Не он, так его приспешник. Те, которых в наше время спокойно называют демонами и чертями. Вот парадокс, ведь в прошлые века такие грязные слова было запрещено говорить. Не дай Бог призовешь! Вот именно они и ждут, когда ваша тёмная сторона проснется. Не переживайте, такая подруга существует у каждого из нас. Даже у священника.

Но вернемся к четырнадцатому веку. Тогда пропажа людей увеличилась. Естественно, гении тех веков считали, что это звери пожирают их знакомых. Так продолжалось очень долго. Несколько веков. Пока в один прекрасный день восемнадцатого века, действительно остроумный человек по имени Авраам, не обратил свое внимание на происходящие. Он и смог сложить пазл. Сначала его заинтересовал тот факт, что люди один за одним пропадать начали в городе Трансильвании — Брашов. А только потом, эта эпидемия распространилась на другие города данной области. Затем оказалось, что в других странах тоже начались пропажи. Да вот только Авраам заметил, что люди пропадают ночью. Факт, что многих из пропавших видели мало того, что ночью, так еще и направляющимися в лес, смутил многих. Но разбираться с этим никто не стал.

Как вы думаете, *кто* нашел множество костей, черепов, мумий и тел в лесу?

Если вы думаете, что Авраам, то вы ошиблись. Их никто не нашел. Изначально, после каждой пропажи, обыскивали все дома, улицы и леса поблизости. Никого живого или мертвого не было. Вы скажете, что это странно. Но остальные просто решили, что в лесах существуют ужасные животные. Не верил в это не только Авраам, но наблюдать и рассматривать стал только он. Он был хорошим биологом, химиком и просто замечательным ученым. Но увы, неизвестным. Он точно знал, что не существует животного, который сможет поглотить человека меньше чем за сутки полноценно. Если только животные всего леса не собирались на поляне и не ужинали огромной компанией. Но для других этот миф был слаще реальности.

Вот так, имея лишь: пропажи *ночью*, *бесследно*, в *лесу*; Авраам смог оттолкнуться от трех слов. Днем он расхаживал по самому близкому и большому лесу в Брашове. И удача повернулась к нему лицом. После пропажи еще одного человека — женщины тридцати лет, он рванул в лес, и наткнулся на свежий след крови. Полосы темной крови говорили об одном: кого-то тащили. И тащили до дуба, после этого след обрывался.

Кровь была взята для экспертизы. И как же радовался Авраам, когда узнал, что кровь действительно человеческая.

Шли годы. У Авраама появилась жена — стройная, чуть выше среднего роста русоволосая девушка с пронзительными зелеными глазами, которая знала об увлечении мужа. Един-

ственное, что говорила мужу Луиза: Будь осторожен. Она всячески его поддерживала и даже иногда вместе с ним отправлялась в лес. За десять лет исследований, Авраааму удалось собрать еще несколько фактов: пропажи *ночью*, *бесследно*, в *лесу*, человека НЕ убивали, человека заманивали, похитителю нужна была лишь кровь, все жертвы были по возрасту от 18 до 40 лет, только здоровые, у жертв имелись грехи, о которых знали местные; в лесу НЕ обитали хищники, лишь белки, зайцы, птицы и пару лис.

Именно последний факт Авраам с Луизой узнали буквально несколько дней назад. И от этого они были в тупике. Люди исчезали по вине *человека*. Так еще и нужна ему была только кровь.

Рассказывать о других походах и догадках, я не буду. Все было однотипным и сводилось к одному: среди людей живет семья каннибалов. А как еще вы объясните факт про кровь?

Еще семь лет расследование Авраама стояло на месте.

Но в один зимний вечер он оказался задумчивым, постоянно хмурился и смотрел в одну точку — огонь в камине. Он сидел в кресле-качалке, его любимом, напротив очага. Это был конец января. Луиза наблюдала за мужем до полночи, и сердце ее сжималось. Она предчувствовала беду.

— Дорогой, ты какой-то хмурый. Все в порядке? — присев на пол возле ног мужа, спросила его ласковым голосом Луиза.

— Нет. Все плохо. — заглянув в зеленые испуганные глаза жены, сказал Авраам. Сердце Луизы грозилось выпрыгнуть, когда она увидела его взгляд. Пустой и обреченный.

— Что ты задумал, Авраам? — дрожащим голосом спросила она.

— То, что тебе не понравится, любимая. — прикоснувшись своей шершавой ладонью до щеки Луизы, он нагнулся и поцеловал ее в лоб.

— Ты пугаешь меня. И не целуй в лоб. Ты же знаешь, так целуют только...

— На прощание. — ответил за нее Авраам. — Я поцеловал тебя на прощание, Луиза. — из его серого глаза потекла слеза.

— Что ты имеешь в виду, милый? Ты куда-то уезжаешь? — непонимающе уставилась на него жена. — Ты же знаешь, я поеду с тобой...

— Нет. Я никуда не еду. Но ты права. Ты пойдешь со мной. Пообещай мне, что сделаешь так как я тебе сейчас скажу. Что ты не будешь сильно горевать после услышанного. И что не будешь отговаривать меня. Я все решил, и именно так и должно произойти. — продолжая смотреть в глаза жене, произнес Авраам.

— Я тебя не понимаю...

— Пообещай. — вновь потребовал муж.

— Но...

— Луиза, пожалуйста. Любовь моя.

— Я обещаю.

— Отлично. — сказал Авраам, и продолжил нервно раскачиваться на кресле, глядя на пламя в камине. — Я чувствую, что благодаря мне человечество должно узнать лицо похитителя. Но мы перепробовали многое с тобой. Ставили капканы, пытались приманить кровью это чудовище днем, пролили мою кровь на тропу ведущую из леса, даже пытались всю ночь не спать и наблюдать за улицами через окно. Ничего из этого не помогло. Остается одно. Ты заметила, что пропадает за ночь только один человек? — внимательно слушая мужа и не понимая к чему он клонит, Луиза кивнула. — Значит нужно, чтобы в лес отправилось ночью двое людей. Или трое. Главное больше одного. Но кого бы я ни просил, все бояться туда идти. Я знаю, что ты меня не бросишь. Поэтому хочу, чтобы мы пошли вместе в лес. Прошу тебя лишь об одном, как только увидишь существо, которое на нас нападет — не беги сразу. Дождись, когда оно вцепится в меня. Ты очень умна и хитра. Ты должна выжить и продолжить мое дело. Слышишь меня, Луиза?

Луиза же сидела будто оглушенная. Ей действительно не послышалось. Её муж хотел совершить самоубийство! Нервно теребя рукав платья, она подняла ошеломленный взгляд на мужа:

— Милый, ты бредишь! Не смей туда суваться ночью! — хриплым от слез голосом воскликнула она. — Ты обо мне подумал? Что я буду без тебя делать? Не смей собой жертвовать!

Не выдержав серьезного взгляда любимого человека, слезы из зеленых глаз побежали в три ручья. Луиза боялась остаться одна. Она любила мужа всей душой, они были одним целым. Она ведь так давно искала любви, так давно хотела стать *нормальным* человеком. Как она могла мало того отправить его на гибель, так еще и наблюдать за этим?

— Луиза, успокойся! — слабым голосом попросил Авраам.

— Авраам, ты не посмеешь! Нет! Я не хочу так! Я уйду вслед за тобой! —продолжала истерить Луиза.

— Любовь моя, я уверен, что останусь живым! Ты же сама видела, что след обрывается. Будто человека режут ради крови, но оставляют живым. Один вопрос: куда девается жертва? Если я действительно останусь живым, то я вернусь к тебе. Клянусь!

Ругались они долго. Оба настаивали на своем. Но упертость мужа взяла верх, и Луиза сдалась. При этом поставила свое условие: если муж не вернется домой спустя два дня, она вслед за ним отправится в лес, а в случае чего плохого погибнет вместе с ним.

Всю оставшуюся ночь и следующий день оба провели беспокойно. Авраам боялся, что чудовище кинется на Луизу, и что ему тогда прикажете делать? А если чудовище вообще не вылезет? В общем боялся провала. В то время, как Луиза беспокоилась о муже, и молилась, чтобы его план провалился, и они оба вернулись домой. Она не могла смериться с таким исходом. Все детство она мечтала о прекрасном и заботливом муже, о детях, уютном доме, домашних животных и остальных бытовых хлопотах. И вот ее прекрасный и заботливый муж лишает ее всего. Её первая любовь, её надежда на *исправление*. Она знала, что он не вернется.

Наступила ночь. Через час наступит полночь. Ужинать они не стали, от страха кусок в горло не лез. Поэтому перекусили двумя яблоками и запили все глотком несладкого чая. Авраам перед выходом съел еще кусочек чесночного хлеба, который испекла Луиза этим днем. Луиза знала, что муж обожает этот хлеб, и решила хотя бы так его порадовать. Не зря Авраам считал ее одной из самых умных женщин. Он всегда поражался её знаниям. Иногда казалось, что эта женщина знает абсолютно все. Всю историю человечества.

Перед тем как отправиться в лес, Авраам вручил жене маленький арбалет и нож, на случай если чудовище кинется на нее. Весь путь до леса они шли молча, каждый думал и молился о своем. Ночной лес не внушал ничего хорошего. Он выглядел жутко и мрачно. Ветер будто так и шептал им Бегите. Но остановившись перед самим зловещим лесом, Авраам затаил дыхание. А спустя минуту выдохнул, сглотнув ком страха.

— Идем. — тихо произнес Авраам, взяв Луизу за руку.

Оказавшись в лесу, каждый нерв этой пары был оголен. Они оглядывались и пытались всмотреться в темноту. Медленным шагом они дошли до того дуба, где Авраам когда-то нашел кровь женщины, и не только. Луиза держала арбалет наготове. Она планировала подстрелить чудовище, как только увидит его.

Но ничего не происходило еще минут десять. Лесная тишина, уханье совы, и сбившееся от страха дыхание.

— Пойдем отсюда. — дернув мужа за рукав, взмолилась Луиза.

— Нет, мы дождемся.

И он оказался прав. Глухой треск ветки за спинами они услышали спустя еще минут шесть. Обернувшись в ужасе, они увидели человеческую фигуру в черных штанах, ботинках и такого же цвета рубашке. Поверх было накинуто что-то наподобие плаща или пальто. Накидка и обращала на себя взгляд — красная, словно кровь. Голова этого *человека* была опущена вниз.

— Кто ты? — слабым и дрожащим от ужаса голосом, осмелилась спросить Луиза, пока Авраам оставался в ступоре.

В ответ чудовище лишь громко хмыкнуло, и сделало шаг вперед. Затем еще и еще один. Авраам и Луиза не двигались, ужас парализовал их, не позволяя даже думать. Остановилось чудовище только, когда между ним и Луизой оставалось три шага. Когда оно подняло голову, Луиза вскрикнула. Глаза его были под цвет накидки — красными. Затем взгляд Луизы зацепился за оскал этого существа. Его зубы... Они были идеально ровными, лишь только клыки отличались. Будто скалится волк. Такими же длинными были эти клыки. Но вдруг в этих страшных глазах промелькнула надежда и... *нежность*? Как минимум оскал сменился едва заметной улыбкой, которая выглядела скорее печальной, чем нежной. Но сделав еще один шаг, чудовище неожиданно скривилось и все прежние эмоции вернулись к его лицу.

— Уйди. — произнесло чудовище, повернув голову на Авраама. Голос при этом его был похож на рычание. Повернув голову к мужу, Луиза с ужасом заметила, что он действительно стал отходить спиной назад. — Стой. — после этого Авраам остановился. При этом эти двое не отводили друг от друга глаз. Луиза непонимающе смотрела на мужа. Руки сами потянулись к арбалету. Аккуратно и медленно, она отцепила его от ремня своего пальто, но прицелиться не успела. Чудовище резким движением выхватило арбалет и отшвырнуло его в сторону кустов. — Так-то лучше. — довольная ухмылка исказило его лицо. И вновь в его глазах промелькнуло что-то непонятное, но теплое. Будто он ее *узнал*.

— Что ты хочешь? — шепотом спросила Луиза. Она не понимала почему муж послушался это чудовище и оставил ее. Почему это существо так быстро среагировало на арбалет и почему вообще заставило Авраама уйти. Неужели он убьет ее на глазах мужа? А после и его? А вдруг любовь всей жизни ее предала и это была ловушка? Нет, Авраам бы ни за что..

— Тебя. — бархатный голос приятно коснулся ее ушей, вытянув из раздумий. И тут ее настигло ужасающее осознание: ей нравится его голос.

— Что?... — вопрос сам сорвался с ее губ.

— Ты прекрасна. И я оставлю твоего мужа невредимым, если ты по своей воли пойдешь со мной. — произнесло... чудовищем его называть больше не хотелось. Его черты лица не позволяли: острый нос и скулы, тонкие губы, легкая щетина широкие темные брови — это сочетание делало чудовище прекрасным. И эти кровавые глаза так завораживали. В то время как голос, казалось бы, обвивал её душу нежными, но прочными веревками. Моргнув, Луиза резко отвернулась. Его взгляд будто гипнотизировал. Она отрицательно покачала головой:

— Вы...ты...Не смей...

— Не смей что? — существо протянуло руку и стало играть с выбившейся русой прядкой Луизы. И если разум мечтал отстраниться и даже убежать от этого монстра, то тело почему-то наоборот к нему тянулось, против воли. Ей было одновременно мерзко и любопытно.

— Не трогай Авраама. — твердо произнесла она, все также избегая взгляда существа, как бы тяжело ни было. Что-то ей подсказывало, что нельзя смотреть в эти яркие глаза.

— Значит ты идешь со мной? — ухмылка вновь превратилась в оскал.

— Нет. — услышав свой тон, Луиза едва вздрогнула. Он был твердым и с нотками брезгливости. А вот глаза незнакомца сузились.

— Так не пойдет. От него несет мертвым. Мертвая кровь отравит меня. — жалостливо произнес он, а в глазах плясали хитрые огни. — А я должен жить, понимаешь... Буду звать тебя Кас. Мне нужно жить Кас, потому что обратно в Рай я не хочу. Там скучно-о-о. Не из-за моего скандала...

— Какой Рай? Кто ты?... — совсем сбитая с толку, стала задавать вопросы Луиза, перебивая *его*. На новое имя она внимание не обратила.

— Тот который изгнал меня сюда. Не бойся милая Кас, я все тебе расскажу, если пойдешь со мной. Если пойдешь со мной сама, то оставлю его невредимым и сделаю тебя своей женой.

— повторил шатен, пытаясь словить взгляд девушки. — Ты будешь править вместе со мной. Я чувствую, что ты сильная и смелая, раз пришла сюда вслед за ним... — скривившись существо кивнуло в сторону Авраама, который стоял как парализованный.

— Кто ты? — все еще не глядя в глаза этого существа, спросила Луиза. Зеленые глаза впились в лицо мужа. Она ничего не понимала.

— Тот, кто убьет тебя, если не пойдешь за мной сама. Тот, кто сделает тебя такой же. Ты ведь об этом *тогда* мечтала. — резко схватив Луизу за подбородок, существо развернуло ее лицо, заставив смотреть в его глаза. — Зови меня Люцифер.

— Что?! — глаза Луизы расширились. Этот сумасшедший хочет сказать, что сам Люцифер стоит перед ней?! Это признание даже выбила из головы вопрос, о чем она и когда мечтала.

— О да. И у тебя нет выбора малышка Кас.

— Я Луиза. — женщина сама не поняла откуда в ней взялась злость. Со всей силы, которая у нее имелась, она влепила пощечину сумасшедшему. И вырвавшись из его хватки она рванулась к мужу. Схватив Авраама за руку, она потянула его вон из леса. Но ее любимый не двигался. Стоял также, глядя пустым взглядом куда-то вдаль.

— Даже не надейся. — прогремел уже знакомый голос из-за спины. Неожиданно руки чудовища обхватили ее за талию и притянули к себе. Кислорода не хватало. Спиной она чувствовала...тепло исходящее от этого существа. Нервно Луиза пыталась вырваться из лап чокнутого. Но он только крепче ее прижал к себе.

— Он не сдвинется с места, пока я ему не скажу. — насмешливо прошептал монстр.

— Он под гипнозом?.. — ослабшим голосом спросила Луиза.

— Что-то типа того. Луиза... — ее имя он произнес так, будто пытался распробовать его на вкус. — Тебе подходит это имя. Так вот. Ты же понимаешь, что живой я тебя не пущу.

— Ты хочешь.... — начала девушка, но запнулась. Слово смерть заставляло ее трястись.

— Тише-тише. Я убью тебя, а затем ты оживешь. Также, как и многие другие люди, которые приходили сюда. Но, если ты не желаешь оставаться со мной, то я просто убью тебя. И тогда *я снова буду тебя* искать.

Монстр отошел от Луизы. И она пустилась в размышления. Они с Авраамом были правы насчет того, что люди остаются живыми. Но что значит убью тебя, а затем ты оживешь? Луиза понимала, что должна придумать как выйти из ситуации так, чтобы... Авраам должен рассказать миру об этом существе. Он сам об этом много раз говорил. Неожиданно план сам пришел в голову Луизе. Она пойдет с этим... кошмаром. Но попросит напоследок проститься с мужем. Он должен позволить ей! В этот момент она скажет Аврааму о том, чтобы он оповестил город о каннибале, который пьет...кровь. И тогда они могут спасти ее!...

— Твой муж сказал, что за день он ел чесночный хлеб и яблоко. Моришь с голоду? Правильно. — задумчиво вдруг произнес...она до сих пор не понимала, как его называть. — Чеснок... Видимо он меня и убьет... — продолжал бормотать он, думая, что Луиза его не слушает. Вид у него был теперь болезненный, будто его вот-вот стошнит. — Луиза, ты чеснок ешь?

Внезапный вопрос, обращенный к ней, выбил воздух из легких. Если чеснок местная отрава для такой твари как этот, то...

— Нет. — ответила девушка.

— Отлично. Ты подумала?

— Да...

Монстр вновь подошел к ней.

— И каков твой ответ? — ухмылка снова расцвела на его лице. Сейчас он был еще больше похож на дьявола, вид был у него не только болезненный, но и очень предвкушающий.

— Я пойду с тобой, только если ты позволишь мне проститься с мужем. В нормальном состоянии. — с гордо поднятой головой ответила Луиза. Но голос ее звучал обреченно.

— Милые голубки. Иди прощайся. — скалясь, ответило чудовище и посмотрев в сторону Авраама, что-то прошептал. Авраам будто ожил. В испуге он стал осматриваться по сторонам, а увидев перед собой Луизу и сумасшедшего, кинулся к ним. Точнее набросился на Люцифера. Но каково было удивление смертных, когда дьявол откинул Авраама одной рукой в противоположную сторону на несколько метров. Словно муху.

— Успокой своего рыцаря. — бросил напоследок он, и развернувшись ушел в глубь леса.

Луиза кинулась к мужу. Обняв его, она обхватила ладонями лицо Авраама, и дрожащим голосом стала объяснять свой план. Говоря о том, что она хочет жить, что таким способом они спасут мир. Она буквально приказала ему рассказать людям об этом существе. Также упомянула чеснок, что он скорее всего является своего рода отравой для таких существ. Авраам пораженный слушал ее быструю речь и не верил в происходящее. Единственное, что он говорил: Я не брошу тебя! Это меня он должен убить!.

— Глупый! Я могу спастись, если ты приведешь сюда народ ночью. Если он заберет тебя, то ты погибнешь сразу. А я могу остаться *живой*...

Больше ничего сказать они друг другу не успели. Дьявол появился также неожиданно, как и в первый раз.

— Хватит. Скажи прощай своему *бывшему мужу*.— произнес довольный бархатный голос.

В слезах она чмокнула мужа в лоб и губы. Схватив Луизу за предплечье, он насмешливо посмотрел на Авраама:

— Беги.

И исчез. Вместе с Луизой.

***

Указания жены Авраам выполнил. С каким трудом он пытался внушить людям бред, в который и сам не до конца верил, боюсь вам даже рассказывать. Но видимо его испуганный и нервозный вид заставил других ему поверить. И спустя четыре дня почти весь город оказался в темном лесу. От каждого несло чесноком. Что происходило все это время с Луизой Авраам не знал. Он надеялся, что она все еще жива.

В эту ночь народ обнаружил старый замок, на окнах которого были изображены драконы. А на вратах большими размашистыми буквами было выгравировано Граф Дракула.

Никто даже не знал, что в замке давно не проживает никакой Граф Дракула. Он погиб, как только на землю спустился Люцифер. Также никто и не ожидал увидеть армию из тех людей, которые пропали. Вот только никто также не учел, что эти люди стали другими...

Вырезка из газеты Солнечная раздел Новости этой недели:

За всю историю человечества это была самая короткая война. Так как, когда наступил рассвет все войско дьявола, по-другому их не назовешь, стало отступать в замок. Солнце сжигало этих существ, оставляя ожоги. Несколько таких кровожадных существ сгорело заживо. И уловив это, люди просто подожгли замок.

Насчет тех существ. Людьми их больше никто не осмелился назвать. Потому что все те, кто до этого пропал, стали кидаться на ***адекватных*** *людей. Кто-то успевал впиться длинными клыками в шею или запястье. И после этого, будто ослепнув, с диким криком отпрыгивали от жертвы и на солнце рассыпались пеплом. Не все. Кого-то просто начинало тошнить и после выхода крови, которую существо видимо выпило, сгорало на солнце. Жертвы также погибали. Кровожадные убийцы целились именно в вены людей.*

Были и те, кто успевал почуять запах чеснока, или по ***их*** *словам* ***мертвой крови****, и не приближались к нам. Именно это и помогло нам достичь успеха и уничтожить этот улей.*

Мы победили этих чертей! Замок горел, и мы слышали ужасные, истошные нечеловеческие крики этих существ.

Все это благодаря моей жене Луизе Чел Традат. Именно она смогла нас спасти. Я всегда считал ее гениальной и самой умной женщиной на этой планете. Она успела рассказать свой план до того, как ее забрал монстр. Благодарите ее!

К сожалению, нашего героя я больше не видел. Я не видел ее среди этих людоедов. Но и не видел в живых. Не видел ее трупа. От этого мне становится тошно. Человек, который спас нас исчез без вести. Человек, которого я любил, ради которого хотел бы отдать жизнь. Но Бог мою жизнь не захотел. Ее жизнь стоила гораздо больше.

Прости меня Луиза, если наш народ сжег тебя вместе с этим замком. В него нам так и не удалось попасть.

Еще пару слов об этих монстрах. Так как мы с женой обнаружили вождя этих существ, то мы и должны дать им название. Жены рядом не имею. Поэтому официально заявляю: имя этим тварям — Вампир.

— Авраам Лунгу.

Глава 2.

Всех заинтересовал факт о пропаже Луизы? Можете не отвечать.

Так вот. Люцифер рассказал ей все что мог, как только привел ее в свои хоромы. Усадив ее в мягкое бордовое бархатное кресло, он начал:

— Дорогая Луиза. Слушай меня внимательно. Мое имя Люцифер, ты не ослышалась.

В этот момент вся жизнь Луизы мелькала перед ее глазами. Слушать... Не ослышалась... Люцифер...

Слова никак не превращались в предложение. Не говоря уже о том, что предложение должно иметь смысл.

— Что... — это все что смогло сорваться с ее губ.

— Послушай. Ты на вид очень разумная, поэтому соберись. Слушаешь? — выдохнув, спросил... Люцифер?

— Ты...ты дь-дьявол? — заикаясь, спросила Луиза.

— Да чтоб тебя... — выругался шатен, отвернувшись к окну, в котором виднелся полумесяц. — Еще раз. Добро пожаловать в покои Люцифера. Несколько тысяч лет являлся сыном Сатаны, но сейчас гордо занимаю его место. — он отвесил поклон. — Рад знакомству, Луиза. Или *Ева*? — увидев шок и непонимание, Люцифер усмехнулся. — Но теперь будем ближе к делу. Перед тобой стоит выбор: стать такой как я или умереть от потери крови.

Его прямолинейность выбила Луизу из колеи. Дыхания не хватало, в голове был туман и лицо испуганного мужа. Ей необходимо *жить*.

— Только не говори, что ты опять ничего не поняла. — предупредил ее, уже раздраженным тоном дьявол.

— Ты Люцифер. Боже!... — воскликнула она, когда осознание вновь настигло ее. Зрачки ее расширились, она хотела продолжить, но указательный палец Люцифера призвал ее к молчанию.

— Не упоминай две противоположности. Особенно, если эти противоположности отец и сын. — недовольно фыркнул дьявол.

— Что?... — округлив глаза еще больше, спросила Луиза. Но это было настолько фальшиво...

— Неужели вы смертные действительно считаете моим отцом некоего Сатану? — по большим зеленым (почти черным из-за увеличенного зрачка) глазам он понял, что да, они так считают. — Вы хоть раз задумались над тем, кто Сатана? Правильно — никем. Его выдумали-и-и. Рад просветить. Хотя ты должна это знать лучше всех, *милая Ева*.

— Как? Что значит... И хватит звать меня разными именами. Меня зовут Луиза. Не Кас и не Ева. — голос ее дрогнул из-за подступивших слез ненависти.

— Без лишних вопросов, милая. Ответь на мой вопрос: кровожадная жизнь или безкровная смерть? — бархатный голос вновь приятно обволакивал уши.

— Я... Я не знаю. — все что могла ответить Луиза. Она явно хочет жить. Но не хочет... воскресать?

— Я вижу твое замешательство. Объясняю. Я предлагаю тебе смерть. То есть, я вгрызаюсь в твою шею, а конкретно всасываюсь в твою сонную артерию. Ну либо в любую другую вену где-либо. Просто кровь в сонной артерии приятнее, чем костлявая конечность... Не важно. Важен факт, что я высушу твое тело. Оставлю кожу, кости, мышцы и сухожилия. От тебя останется мумия. Но также, я предлагаю тебе остаться в живых. Но для этого ты подаришь мне свое сердце. То есть, станешь моей женой. Для этого нам понадобится опять кровь. Я вгрызаюсь (уже обязательно) в сонную артерию, делаю буквально пару глотков твоей крови и отстраняюсь. Но, затем я даю выпить тебе свою кровь, ты делаешь ровно столько глотков *моей*

крови, сколько забрал у тебя *я*. Затем я, например, пырну тебя ножом, чтобы ты умерла. Через минуту может две, ты снова оживешь. В этот же день ты почувствуешь боль в челюсти, от этой боли тебе будет хотеться расчесать свои десна до крови. После у тебя появятся прекрасные ровные зубы как у меня. Ну и естественно, клыки. Дальше у тебя будут болеть глаза и нос, потому что они будут проявлять новый цвет и новую силу. Появится ужасный шум в ушах. Зато потом ты сможешь слышать и чуять что-либо за несколько метров, а то и больше. Потом ты будешь чувствовать животный голод и жажду. Тебя будет воротить от еды первые недели, потому что организму будет нужно кровь. Потому что твоя начинает постепенно остывать, так как ты считаешься уже трупом. И если не заменять кровь, то ты просто превратишься в то, чем должна, по сути, быть. Тебе будет плевать, ты будешь желать крови, из-за этого начнешь нападать на людей. Их кровь *вкуснее* и *нужнее* всех для организма, и поэтому инстинкты приведут тебя к себе подобным. Это будет все в первую неделю после обращения. Ну и последним этапом станет адская боль в спине, которая настигнет тебя спустя год. У тебя будет подобие лихорадки. Жар, голод, холод и тряска. И вдобавок позвоночник будет разрывать от боли. А потом у тебя появятся крылья. Таким способом ты обретешь бессмертие, сможешь оказываться в том самом великом раю, хотя навряд ли тебя туда пропустят. Ты будешь видеть демонов и ангелов. А также обретешь власть вместе со мной. Станешь правительницей моего скромного замка. Правительницей Ада. Прекрасный выбор, не так ли? — все это время его голос будто щекотал, ласкал и нежно гладил. Особенно на части с обращением. Он будто зазывал совершить грех. Соблазнял. И у него почти получилось. Когда Луиза собиралась ответить жизнь, в ее голове пролетели картинки воспоминаний ее свадьбы, счастливое лицо мужа. Ощущение радости в тот день. Ее мечты и желания. Неужели ей придется отказаться от этого? К окончательно решению ее подтолкнули строчки из библии о Еве и коварном змее.

— Ты соблазнил Еву на грех? — внезапно спросила Луиза.

Темные глаза Люцифера округлились от услышанного.

— Ты часто меняешь темы разговора? Особенно, когда речь идет о твоей смерти. И будто ты не знаешь *правды, милая.*

— Нет... Просто...

— Нет, никого на грех я не соблазнял. Она сама хотела те яблоки с дерева. И змеи, если вы, смертные, забыли — не разговаривают. Но какую-то роль я там точно сыграл. — ответил дьявол, без стеснения рассматривая Луизу. В его взгляде промелькнула печаль. Или ей показалось? — Я ответил на еще один твой вопрос. Мне кажется, что пора и тебе соизволить и сделать выбор. Иначе его сделаю за тебя я, *Ева*. — он буквально уже нависал над трясущейся от страха девушкой.

— Ты убьешь моего мужа? Моих подруг? Моих родителей? — продолжала Луиза, игнорируя новое имя, присвоенное дьяволом.

— Опять вопросы. — закатив глаза к потолку, пробурчал Люцифер. Прежде, чем раздражающе продолжить. — Да. Я высосу из них все до последней крови, если никого в этом городе не останется. Ну и, если ты сделаешь неправильный выбор.

— Ты ужасный человек. — всхлипнула Луиза.

— Наверно, потому что я *не* человек, милая. Я тот, чье имя боится назвать весь народ.*Из-за тебя.*

От этих слов у Луизы началась истерика. Она в плену у чудовища, которого действительно боится весь мир. Сам дьявол спустился на Землю! И именно она ему приглянулась.

Господи, за какой грех ты послал мне такое горе! — пронеслось в голове у страдалицы.

Люцифер же, стоял и наблюдал за Луизой. Его глаза излучали презрение и жалость. Она показалась ему сильной девой, но видимо даже у сильных слишком слабые нервы. Ее лицо и глаза покраснели и опухли от слез.

— Почему? За что? — хриплый, срывающийся голос обреченной девушки. — Почему я? Я не хочу умирать! Я же тоже человек... Я же живая! Я... я... — вой стал приглушеннее.

— Отпусти меня... — тихо-тихо попросила она. Голос ее стал хриплым, от слез вдруг захотелось спать. Оказывается, она так устала. — П-пожалуйста. Я ж-жить хочу... — все эти слова дались ей тяжело.

— Не отпущу. И кстати, как думаешь. Когда придет твой муж и его стадо? Не смотри на меня так испугано. Я прекрасно слышал, о чем ты ему говорила.

Луиза побледнела. Ну вот и все... бой был проигран. Все было зря.

— Так уж и быть, я дам тебе подумать до сегодняшнего вечера. — сказал Люцифер, и собирался покинуть комнату, когда Луиза вдруг не своим голосом произнесла:

— Убей меня.

***

Эх, люди-люди... вы бываете иногда суперпоспешными на выбор. Ну, а теперь вернемся в наше время, где рассказ продолжится от лица кровной дочери Люцифера...

Глава 3.

Наше время.

Единственная моя мысль: скрыться в своей комнате до того, как о моей вылазке узнает отец.

Я быстрым шагом перемещаюсь от одной тени к другой. Ловко встаю за колонну, выглядываю: никого из стражи или служанок. Облегченно выдыхаю, и тихо пробегаю вдоль стены, которую освещают старые огромные канделябры платинового цвета. Один поворот и я окажусь в своей комнате...

— Только не говори, что ты опять это сделала... — слышу я уставший голос брата.

— Дар? — подпрыгнув от испуга, оборачиваюсь я. — Ты нормальный? Что ты тут делаешь? — осматриваясь вокруг, бурчу я.

— Тебя поджидаю, чтобы отвести к отцу и... — заводя глаза к потолку отвечает он. — Когда ты уже прекратишь его нервировать?

Фыркнув, я смотрю на брата с презрением:

— Кто еще кого нервирует. Неужели и ты, братец, решил меня жизни научить?

— Не мели чепуху. Отец еще ничего не знает. Мечтай, чтобы он и не узнал.

— О как. Неужели никто не заметил моего отсутствия?

— Заметили, но твой любимый брат все уладил. — довольная улыбка, так похожая на мою, расплылась на его лице.

— Отлично. Мне повезло, что тебя решили произвести на свет. — поклонившись, ответила я и направилась в свои покои. Уже переступив порог своей мрачной и одновременно уютной комнаты, я заметила, что Даррел плетется следом за мной.

— Ты что-то хочешь мне сказать? — обернувшись спросила я.

— До ужина пятнадцать минут. И если ты...

— Я знаю. Ни в коем случае не ерзать на стуле, не отвлекаться от речи отца, быть внимательной и не заламывать пальцы. — вздохнув и откинув маленький потрепанный черный рюкзак на стол.

— Ты каждый раз это говоришь. А еще, нас двоих не было во дворце, потому что мы помогали Афелии и Рику разгребать библиотеку. Их я предупредил, точнее мы решили сделать вид будто ты тоже была с нами, а не шастала среди людей.

— Поняла. Вали отсюда, иначе к ужину я не успею.

— Я жду тебя за дверью. — летит мне в спину, и слышу скрип дверей.

Упрямый черт.

***

Спустя десять минут я и Даррел уже шли на *семейный* ужин. На мне черный брючный костюм с разрезанными расклешенными рукавами и глубоким v-образным вырезом покрытый полупрозрачными кружевами. На ногах черные с золотистым каблуком Cesare Paciotti. Темные волосы легкими волнами лежат на плечах. Голубые глаза подведены черным карандашом, а губы накрашены алой помадой. Одним словом — стерва. Так говорит мой братец, который одет гораздо проще: черные джинсы и бордовая рубашка, на ногах все те же Cesare Paciotti только мужские; холодные русые пряди челки небрежно лежат на лбу; лицо напряженно, а светло-карие глаза выглядят задумчиво.

В общем и так ясно, что на любую встречу тщательно готовлюсь только я.

— Ты чего такой напряженный? А ну! Улыбнись! — пихнув Дара локтем в бок, произношу я.

— Действительно. Почему за вылазки избалованной сестры всегда переживаю я? — хмурый взгляд впился в меня. — Ах да. Я же потом больше всех и получу за то, что мало того, что не уследил, так еще и прикрываю ее постоянно.

— Ну не злись, котик. — ущипнув его за щеку, *мило* отвечаю я. — Черт, у меня каблуки почти 11 сантиметров, и я тебе еле до подбородка дохожу!

Даррел лишь тяжело вздыхает, и спустившись по черной винтовой лестнице, ступени которой покрытой красным бархатом, мы оказались перед огромными дверями из темного дуба с позолоченными гравировками. Улыбнувшись охране стоявшей по обе стороны этих ворот, и дождавшись, когда нас пропустят, мы проходим в обеденный зал. Он огромен: французские окна с полупрозрачными черными шторами, десятки канделябр с трудом освещают темно-серые стены, поэтому в центре потолка расположена большая люстра в виде змей, которые будто ползут по потолку; посреди зала на белой мраморной плитке находится длинный стол из того же темного дуба (персон на 40) вокруг которого отряд стульев. В одном из углов расположен уже накрытый стол поменьше — на шестерых. Именно к нему мы с Даррелом и направляемся. За столом уже почти все в сборе: мама и отец. Подойдя ближе, мы поприветствовали родителей: я — легкими поцелуями в щеки, Дар — поцелуем ладони матери и кивком отцу.

— Где Рая? — спросила мама, когда мы сели за стол: Дар напротив отца, как следующий наследник; я — напротив матери. Оставалось место возле самой мамы (оно предназначалось моей сестре-двойняшке Рае) и одно возле меня.

— Без понятия. — ответила я, глядя на вход в зал, надеясь, что скоро там появится сестра.

— Она разве не была с вами? — подняв густую черную бровь, спросил отец смотря на старшего сына.

— Нет. Я ее сегодня видел последний раз за обедом. — ответил тот.

— Почему не следишь за сестрами? — строго спросил папа. В последнее время он слишком грубо относится к Дару.

— Пап, мы с ним полдня провели в библиотеке. Он физически не смог бы уследить за Раей. Наверняка, она просто опаздывает с дежурства. Ты же ее знаешь. — положив свою ладонь поверх ладони отца, с теплой улыбкой проговорила я. Отец сразу немного оттаял и с взаимной теплотой глянул на меня. — Да и мы с Раей уже не пятилетки.

— Ты права, Ада. Простите, сегодня какой-то болван, отправил бедного старика, которого сбил автомобиль к нам. Мол заберите, это ваш клиент. Дед чуть второй раз коньки не отбросил. Полдня разбирались кто такой безмозглый.

— А дедуля чем занимался при жизни раз остался в *теле*? — спросила я.

— В том и дело, что работал всю жизнь волонтером в доме престарелых, ухаживал не только за стариками, но и часто помогал приютам. А тут его сбили, так еще и отправили в Ад. Кстати, насчет этого старика ты, — кивая на меня. — завтра понесешь его Историю жизни и Аналитическую справку грехов в Прием смертных. Заодно устроишь взбучку Аарону.

— Хорошо. — соглашаюсь я.

Именно *соглашаюсь*. Если бы отец обращался к Даррелу, то это был бы приказ. Если бы задача досталась Рае, то там все было бы по настроению. Так вышло, что любимицей самого Люцифера оказалась средняя дочь (да, я старше Раи *всего* на одиннадцать минут, и считаю, что имею право быть старшей!). И прежде, чем бунтовать против меня, объясню: отношения наших родителей к каждому из нас одинаково. Никого не обделяли и не обделяют вниманием, любовью, заботой и прочим. Просто у папы... он любит сильных и уверенных в себе людей. Так вышло, что Даррел слегка наивный, очень-очень добрый и ранимый, несмотря на имение выше сказанных качеств. Хотя по его внешнему виду этого и не скажешь, но отец это знает. Он не отказывается от него, но пытается сделать так, чтобы в будущем эти качества не сломили единственного сына. А вот Рая... она тоже добрая, но еще наивнее Дара. Часто даже не может

сказать слово нет или ответить на оскорбление. Вообще по Рае не скажешь, что она демоница. Внешний вид и многие качества говорят об обратном. Единственные вещи, которые кричат: демон! — это карие глаза, крылья с выпирающей костью и жестокость. Удивительно, правда? Если спросить у нее: твоего обидчика избить или отчитать? — она выберет первое. Даже ее способность скажет вам ангел. Но не тут-то было.

Тем не менее и в Дарреле и в Рае заложен стойкий и упрямый характер. Просто проявляется он либо при выгоде, либо когда их довести.

— Простите. — тихий, словно капель голос коснулся наших ушей, отчего все вздрогнули. Еще одна способность демонов — подкрадываться максимально незаметно и тихо. — Я задержалась на дежурстве в Верховном училище. — опустив карие глаза в пол, произнесла Рая.

— Садись. — кивнув, ответил отец, и с легкой улыбкой проследил за действиями моей сестры. — Когда ты прекратишь себя терзать этими дежурствами?

Глаза его излучали безграничное тепло, хотя отец ненавидит опоздания, нас с Раей он за это не отчитывает. Прощает. Мы же девушки, нам положено. А вот мужчины — это прежде всего ответственность за девушек, а значит и пунктуальность тоже. Ведь каким позорищем ты будешь, если придешь позже девушки?

— Пап, для меня это удовольствие. Никто не осмеливается ослушаться *меня* и пронести какой-то артефакт. — радостно сообщила ему Рая.

— Я бы тоже боялся тебя, если б не был сыном Сатаны. — фыркнул Даррел. Ему тоже не нравилось увлечение сестры.

— Ты думаешь, что все только из-за папы? — подняв узкую изогнутую бровь, спросила Рая.

— Естественно. Ну и еще, потому что у кого-то сила, которая сдаст тебя с потрохами.

— Верно. Но главное, чтобы ей нравилось смотреть на эти испуганные и трясущиеся тела. — зевнув, ответила уже *я*.

— На самом деле, иногда обучающиеся останавливаются и кланяются мне. Так я, кстати, определяю чаще всего лицемерных созданий. Потому что, отойдя от меня на пару метров они начинают оборачиваться с огромными глазами. — хихикнув заканчивает Рая.

— Мы ужинать будем? — скучающе спрашиваю я, подпирая щеку ладонью.

После этой фразы мы приступаем (наконец-то!) к еде, которая уже начала остывать. Точнее после кивка отца.

***

— Ты куда? — догнав меня в коридоре, спрашивает Дар. Позади него плетется Рая.

Рая отличается от нас буквально во всем. Ее волосы цвета спелой пшеницы, кожа яркого молочного оттенка, с хорошо выделенными венками. Фигура на вид очень хрупкая, но с хорошими формами. Губы словно спелый персик. Лучше всего ее типажу подходит светлая одежда. Да и крылья Раи белоснежные, как облака летним днем с золотистым отливом на солнце. Действительно на первый взгляд — ангел. Но вот то, что сразу зацепит ваш взор — глаза Раи. Они напоминают карамель или мед. Такие насыщенные, такие глубокие, но в тени они покажутся вам дымчато-карими, и поэтому вид Раи становится зачастую угрожающим.

Как я говорила — Рая натура наивная, но имеет свои сильные стороны. Если бы не ее сила Справедливости, то для любого существа она была бы легкой жертвой. Именно эта сила позволяет понять Рае намерения кого-либо. Но среди семьи она всегда остается тихой, но в то же время очень веселой, хрупкой и нежной, а также родной и любящей *демонищей,* и младшей дочерью Люцифера.Даррел же, будто граница между мной и Раей. Она полноценный свет, несмотря на цвет глаз. Я же полная противоположность. Я люблю говорить правду, особенно ту, которая нанесет удар. Мне нравится смотреть на мучение любого существа. Я смуглая, а Рая белесая, как говорят смертные: Белая, как береза. Мои волосы носят оттенок горький шоколад. Мои крылья черные с красным перламутром, который видно только на свету, как и у

всех бессмертных. Также хорошие формы, но фигура не кажется хрупкой. Я излучаю уверенность и готовность. Я и есть вызов. Но вот мои глаза... Они выделяются также хорошо, как и глаза Раи. Пудрово-голубые. Многие говорят, что они пронзительные и туманные. Будто глаза — мой щит против эмоций.

Даррел же, будто граница между мной и Раей. Она полноценный свет, несмотря на цвет глаз. Я же полная противоположность. Я люблю говорить правду, особенно ту, которая нанесет удар. Мне нравится смотреть на мучение любого существа. Я смуглая, а Рая белесая, как говорят смертные: Белая, как береза. Мои волосы носят оттенок горький шоколад. Мои крылья черные с красным перламутром, который видно только на свету, как и у всех бессмертных. Также хорошие формы, но фигура не кажется хрупкой. Я излучаю уверенность и готовность. Я и есть вызов. Но вот мои глаза... Они выделяются также хорошо, как и глаза Раи. Пудрово-голубые. Многие говорят, что они пронзительные и туманные. Будто глаза — мой щит против эмоций.

Поэтому в детстве наша троица не раз слышала: Даррел, ты как будто середина света и тьмы!

Никто из нас троих также ни разу не оценил эту шутку. Потому что все взрослые думали, будто я и Рая недружелюбные и ненавидим друг друга. Хотя на самом деле это далеко не так. Мы по сей день не разлей вода. Не потому, что нас соединяет слово двойняшки, которые в процессе зарождения случайно перепутали глаза, а потому что... Мы чувствуем друг друга, любим и понимаем. Мы отличаемся всем чем можем, но в то же время у нас много общего.

— Спать. — отвечаю я, ухмыльнувшись. — Вы со мной?

Наши комнаты находились так: моя и комната Раи — соседи. Напротив нас комната Даррела.

— Пижамная вечеринка? — хитрая улыбка расползлась на лице Раи. В детстве, да и сейчас бывает, что мы сидим в чьей-то (чаще всего в моей) комнате обсуждая всех и все. — Блин, честно, я бы с радостью. Но сегодня меня буквально гоняли с пропусками всего этого заповедника недоангелов и недодемонов. И меня уже начинает клонить в сон. — уже более печально произнесла Рая.

— Честно, я и сам не против сейчас уснуть. — поддержал ее Дар.

— Какие вы скучные-е-е. — протянула я, прищурив глаза. — Почему вы такие уставшие? На вашем фоне чувствую себя супервезучей.

— Просто мы не шатаемся по Земле, а помогаем отцу и занимаемся *Адскими* и *Небесными* делами. — закатив глаза, отвечает Дар. Правда улыбка все равно проскакивает на его лице, в то время как Раю прям разносит от смеха.

— Вы просто слишком правильные, детишки. — показав язык, я захожу в свою комнату. — Всем горелой ночи!

— И тебе спокойной ночи. — слышу я хор в ответ, и закрываю дверь.

***

Если вы думаете, что я уснула, то нет. А это значит, что мне пора туда, откуда меня гнали бы в шею, узнав чья я дочь.

Поэтому я уже (по человеческим измерениям) час, как гуляю, вдыхая запах ночи. В Аду или Рае так не пахнет. В Аду пахнет гарью, чем-то сладким и старыми книгами. В Раю все пахнет почти как человеческая весна, но все же не полностью. Весенний запах перебивает вонь восковых свечей и пыльцы. А вот здесь все всегда пахнет по-разному, всегда так как нужно.

Земля. Я бываю очень часто здесь. За что также часто получаю в затылок. Отец с матерью боятся, что я попросту отдалюсь от своей *изначальной природы*. Отдалюсь от них. Боятся, что люди прознают, что *мы действительно существуем*. И тогда начнется ужас. Люди начнут проклинать небеса либо подземелье, не понимая, что их проклятья ничего не значат. Но на эту мелочь сразу отреагируют совсем неуравновешенные и агрессивные демоны, и тогда людской мир падет в рабство таких как я. И никакой ангел не спасет вас. Ангелы и есть справедливость,

они будут смотреть и говорить: Вы сами выбрали этот путь, мы пытались вас уберечь. И они будут правы. Демоны часто насмехаются над поступками людей, над их наивностью, хотя сами не особо отличаются. Но какие они становятся довольные, если человек совершает что-то плохое, чуждое, грешное или непростительное!

Не думайте, но мы, демоны созданы не для того, чтобы сделать людей мерзкими с большим багажом проступков за спиной. Нет. Мы должны научить вас совершать ошибки, чтобы потом вы поняли — так нельзя. Ошибка, которая перевернет ваш мир и даст понять, чем все может кончиться. А ангел должен научить вас принимать эту ошибку и идти дальше, не боясь сознаться. Научить вас быть более разумными.

Но многие из людей решили, что демоны — мерзкое, злое и гнилое дерьмо, которое сделает из вас маньяка, убийцу и прочих уродов. А ангелы — существа добрые и милые, которые всегда спасут ваш зад.

Но все оказывается наоборот. Ваш зад им не нравится так же как и нам. Никто не будет вас спасать, пока вы не научитесь дорожить жизнью. И никто не поможет, если в этом нет справедливости.

Внезапно меня окликает чей-то мужской голос. Из-за этого я моментально напрягаюсь, и моя рука уже тянется к ножу, прикрепленному к поясу черных джинс:

— Девушка! — слышу я вновь, и резко оборачиваюсь. — Извините, я... — его взгляд падает на нож, скрытый под пальто (тоже черным). — Вы не подумайте, — подняв руки в знак капитуляции. — Я хотел узнать, не подскажете сколько времени? Я телефон свой потерял.

— Не знаю. Не беру мобильный с собой. — презрительно отвечаю я, все еще держа рукоятку ножа, чтоб в любой момент достать его.

— А зря. Ножом на вряд ли вы спасетесь от маньяка или хулиганов. — с легкой улыбкой отвечает темноволосый парень и подходит ближе. Руки его опускаются в карманы брюк. На самом парне коричневая кожанка, а под ней бежевая водолазка. — Вы приезжая? Раньше я вас тут не видел. И по возрасту вы кажетесь моей одногодкой.

Он останавливается напротив меня.

— Вы решили поговорить? — все еще держась наготове, спрашиваю я.

— Не волнуйтесь, оружия у меня, в отличие от вас нет. И никаких грязных планов не имею. — взгляд его так и лучится насмешками. — Впервые вижу такую воинственную женскую особу. Откуда вы?

— Вам зачем? — нож я все же отпускаю, а руки складываю на груди.

— Просто. Вы зашуганная. Часто попадаете в передряги? Или у вас детские травмы? — уже более серьезно спрашивает парень.

— Нет. Ничего из выше перечисленного. — после этого я разворачиваюсь и продолжаю прогулку по прохладному ночному парку. Я не знаю, как он называется, но я очень часто тут гуляю. Мне нравятся здесь осенние деревья, листопады. Днем тут часто сидят влюбленные, гуляет детвора, гуляют пожилые пары и даже семьи. Также тут пахнет карамельным кофе. И всю эту атмосферу создают *люди*. Именно поэтому такой незваный гость, как я, будет зачастую бывать на Земле. Человек имеет очень бурное воображение, фантазию и мечты. У бессмертных все немного уменьшено, несмотря на небесные красоты.

— Часто тут бываете? — выдергивает меня из раздумий голос того голубоглазого парня, который оказывается, плетется вслед за мной.

— Вы что, преследуете меня? — не оборачиваясь, спрашиваю я.

— Не совсем. Мне просто скучно. А вы кажетесь интересным собеседником. — в его голосе чувствуются нотки спокойствия и усталости.

— От скуки, говорят очень хорошо помогают друзья. — отвечаю я, все повернувшись к нему. Он шел справа от меня, глядя вперед. — Но с вашей навязчивостью...

— Верно. — прерывает меня он, игнорируя последние слова. — Но у меня такие друзья, у которых на уме только клубы, выпивка и секс.

— А вас это не интересует? — подняв изогнутую бровь, вновь задаю вопрос я.

— Да. Удивил? Но я говорю честно. Иногда хочется просто поговорить ни о чем или по душам. А не обсудить вчерашний секс с проституткой. — темп его голоса был спокойным и все еще усталым и печальным. Будто ему действительно надоели эти темы для разговоров.

— Тогда чем ты занимаешься, дружок? — ухмыльнувшись, произнесла я.

— Я уже *дружок*? — черные густые брови взлетели вверх.

— Ты против?

— Не особо. Так ты недавно приехала?

— Ну можно и так сказать. — пожала я плечами. — У вас тут красиво. Правда, я все еще не знаю, как называется этот парк.

— На входе год назад, подростки снесли табличку с названием. Точнее закидали ее петардами. — боковым зрением я заметила, как он рассматривает мое лицо. — Парк Святой Евы. Так он называется.

— Святой Евы? — поморщившись переспросила я.

— Да. В честь той, которая съела яблоко из-за Люцифера.

От имени отца меня передернуло. Я удивленно посмотрела на парня, когда он произнес Люцифер, то интонация его осталась такой же безразличной. Будто он не ненавидел моего отца.

— Вранье. — вырывается у меня против воли.

Брови темноволосого парня взлетают, и он непонимающе смотрит на меня:

— В каком смысле?

— В таком. Ева сама съела яблоко. Никто ее не заставлял. Люцифер просто оказался возле дерева поздно. — пробурчала я.

— С чего ты так решила? — в его голосе не было осуждения или чего-то подобного. Скорее ему действительно было интересно почему я так думаю.

— Мне рассказал папа. А ему я верю больше, чем какой-то Еве. — ответила я и тут же прикусила язык. *Даже если Ева навесила всему человечеству лапшу на уши — это не значит, что нужно доказывать людям обратное. Пусть продолжают так думать.* — так говорил отец.

— Твой отец не верующий?

Вместо ответа я лишь хмыкнула, сдерживая смех.

Милый...не важно кто. Милый человечек, как ты себе это представляешь? Великий дьявол будет... веровать в существование своего отца? Молиться может ему?

— Судя по улыбке, я угадал. — его губы тоже тронула легкая улыбка.

— Возможно. Никогда не думал откуда пошли рассказы о бедняжке Еве и злом Люцифере? — мое любопытство и недовольство, что вранье Евы так сильно повлияло на жизнь всего человечества было не унять. И все из-за того, что она имела большее влияние на них, благодаря своему первому рождению. И из-за этого никто из людей не может вспомнить свою прошлую жизнь, потому что это часть перерождения дала отвратительные плоды, и Бог решил избавить Землю от большего зла.

— Хм. — густые брови нахмурились, глаза приняли задумчивый вид. Глядя на этого парня, все больше понимаешь, что он *другой*. Он будто должен был существовать в другом мире. Интересно, чья в нем душа? — В истории говорилось, что библию написал Моисей? — он не был уверен в ответе, поэтому предложение звучало как вопрос.

— Можно и так сказать. Он создал книгу Бытия. Хорошо. А вот еще вопрос. Почему все вы верите в эту историю? Многие из вас друг другу не верят, пока не приведут доказательства чего-либо. А в Библию вы все верите. Очень мало тех, кто не верит.

— И ты их уважаешь? — взгляд пристальных ледяных глаз был очень чутким, будто он пытался заглянуть в саму душу и узнать все твои тайны.

— Честно? Да. Эти люди единственные, кто окажется в итоге прав. Увы, но узнать об этом вы сможете только после смерти. И сначала будете отрицать все, ведь Ева милашка и белый пушистый хомяк! А когда стадия отрицания пройдет, вы начинаете чувствовать себя полными идиотами, и никто не станет вас переубеждать.

— Да? С чего такие выводы?

Встретившись с взглядом молодого человека, я заметила в них *насмешку*.

— Ты смеешься надо мной? — теперь мои брови взлетели.

— Ни за что! Смеяться над дамами... грех? — лукавством так и сквозило.

— И тоже бред! Грех — насилие, рукоприкладство, оскорбление без нормальной причины! И многое другое! Но смех... для других это будет оскорбление их мнения. В моем случае я просто буду осуждать тебя!

— Да-а?

— Уже осуждаю!

Не особо думая, я стукнула его по предплечью. Сделано это было на автомате, благодаря братцу.

— Уже дерешься? — его смех так и рушил тишину в парке. Мой хохот тоже не отставал.

Спустя какое-то время мы решили присесть на лавочку, чтобы отдышаться после смеха.

— Ты не ответил на мой вопрос. — заметила я, ожидая от него тупого взгляда, мол: Что? Какой вопрос? Не знаю о таком!. Но и тут он меня удивил.

— У каждого из нас свои причины веры. Ты права, не все верят даже в существование Бога. Но кому-то просто необходимо верить будто знают, как появился первый человек и как его звали. Верить, что знают, как выглядел Бог и что происходило на Земле. А некоторые верят в силу науки. И упорно приводят правдоподобные факты. У каждого есть выбор во что верить. Кому-то с детства суют под нос молитвы, кресты, иконки, заставляют читать Библию и тому подобное. А кому-то дают выбор: верь сынок в то, что посчитаешь нужным. Понимаешь? — его взгляд снова впился в мои глаза.

— Примерно. Я рада, что тут есть человек, который это осознает. Но позволь задать еще один вопрос. — получив в ответ кивок, я продолжила. — Во что веришь ты?

Его тонкие губы поджались, что сделало их почти невидимыми.

— Я верю в существование Бога. Будто он действительно был. И будто иногда кто-то наставляет тебя на путь. Но если ты про историю Адама и Евы... То я безразличен. Сам не знаю, верю в это или нет.

— Бог существовал и существует, только не тут. А помощь в выборе какого-либо пути оказывают его дети, а не он сам.

— Мне кажется, что у меня тоже есть к тебе вопрос.

Мои плечи напряглись, но я все равно спросила:

— Какой?

— Откуда ты это знаешь?

Не знаю, понял ли он, что я окаменела от этого вопроса или нет... но я действительно приняла позу статуи. Мои челюсти двигались сами по себе:

— От отца. Я же говорила, что верю ему больше, чем другим.

— Да, я помню. Но почему? Почему ты веришь в его теории, когда буквально пять минут назад согласилась с моим мнением насчет самостоятельно выбора?

— Потому что это и есть мой выбор и мое мнение. Мой отец знает больше всех вас. И я верю, что все, о чем он рассказывал, является правдой.

— Ладно. Еще вопрос. Почему ты говоришь вы, вас, тут? Словно ты не из этого мира.

Как же он прав!

Именно сейчас меня обволокло ужасом. Какая же я глупая! Я действительно заговорилась и уже напрямую сказала ему, что не являюсь человеком! Нет-нет-нет! Отец меня прибьет.

Так, Ада. Спокойно. Возьми себя в руки. Сейчас этот экземпляр умного человека по глазам узнает, что я испугалась и что переживаю, и...

Скажи уже что-нибудь!

— Потому что я недавно сюда переехала. Из-за этого говорю у вас и тут. А насчет вы, так я отделяю себя разумную, от глупых людей. — медленно проговорила я.

Голубоглазое существо сидело и пристально заглядывало в мои глаза несколько секунд, прежде чем кивнуло в знак *доверия*.

— Самооценка у тебя на высоте. — все что я услышала.

Мы сидели в тишине в парке Святой Евы на лавочке с хорошим видом на весь центр. Отсюда был виден чуть ли не весь парк. Перед нами стояла статуя в виде яблони, ветки которой обвивал змей. Видимо, Люцифер.

Папа бы сейчас ворчал на тему глупости людей.

Но его тут нет. Под яблоней стояла девушка с хорошими пропорциями тела, тянувшаяся к плоду. Символично и лживо. Статуя стояла в специально оставленном кругу травы в центре.

Ветер слабо трепал волосы и нес свежесть. Спокойствие и отдых. За нашими спинами стояли деревья, листья которых медленно шевелились и опадали. Под ногами иногда слышался хруст уже сухих листьев. Осень — одно из самых спокойных времен года, не считая дней, когда идет ливень, а гроза рассекает небо, которое от боли начинает греметь. Интересно, понравилось бы в этом парке отцу, маме, Даррелу? Рае?

Интересно, сколько я уже тут?

Именно эта мысль заставляет сжаться мое сердце.

— Эй... — и как его звать? Ладно, не важно. Все равно больше не увидимся. — Сколько время?

Парень хлопает себя по карманам брюк и кожанки. Затем смотрит на меня и хмыкнув произносит:

— Очень смешно.

— Что? — удивленно спрашиваю я.

— Если ты забыла, то подошел я к тебе изначально из-за телефона. — напомнил он.

Точно. Он же его потерял...

— Прости. Я забыла. Мне срочно нужно узнать время. — ответила я. сердце стучало как бешенное.

— Не поверишь, но я тоже хотел узнать это у тебя. Когда только увидел.

— Помню...

И снова молчание. Каждый думает о своем. Не знаю, что в голове этого парня, но лично у меня одни мысли. *Мне конец.*Нужно возвращаться.

— Точно! — резко воскликнул брюнет из-за чего я подпрыгнула на месте. — Пойдем! — он встал, схватив меня за руку и потащил куда-то в глубь парка (хотя я думала, что мы и так в центре).

— Куда? — проигнорировав нахальство парня, спросила я. неприязни к нему уже не было, как и презрительности и страха, что он может напасть на меня.

— Чуть дальше должна стоять статуя ангела с часами. — радостно ответил он.

— Я надеюсь они не солнечные, а электрические.

— Механические. Опаздывают на две минуты.

Шли мы минут пять, и то, как показалось мне — бежали. И действительно, завернув на другую тропу мы вышли к статуе небольшого ангела, который в руках держал каменные маленькие маятниковые часы.

— Половина второго ночи. — произнес... надоело.

— Пора домой. — выдохнула я с облегчением. До ночной проверки еще полтора часа. Да, папа настолько беспокоится о моих похождениях на Земле, что решил ввести правило о проверке детей в кроватях. По человеческим часам он заходит в наши комнаты в три часа ночи.*Ровно в три.*И именно он, а не охрана.

Из-за этого меня чуть не прибили собственные брат и сестра.

— Пора. Тебе куда?

— Э-э-э. — и как я ему скажу, что мне вверх? — А что?

Глупо.

— Провожу тебя. — его взгляд опять смеялся!

— Не нужно.

— Поему?

— Я... Мне будет некомфортно. Вдруг ты все же маньяк? И выследишь мой дом... и уб...

— Я тебя понял. — перебил мое вранье этот...*а-а-а!*

— Что ты понял? — да заткнись уже!

— Что ты не хочешь, чтобы я узнал о тебе что-то.

— Но... В смысле?

— Не важно. — едва заметная улыбка тронула его губы. — Я тебя услышал. Я бы хотел попросить у тебя номер телефона, чтобы ты сообщила мне, когда доберешься домой... Но у меня нет телефона. Очень надеюсь, что все будет в порядке.

— Поверь, со мной точно ничего не может произойти. — высоко подняв подбородок произнесла я. — Доброй ночи. — сказала я и развернулась, чтобы уйти, не зная куда.

— Доброй ночи. — услышала я, и поняла, что умру, если не узнаю...

— Эй! — обернувшись крикнула я. Парень все также стоял и смотрел.*Господи, он следит куда я пойду?*

— М-м?

— Как тебя зовут?

— А тебя? — вопросом на вопрос ответил он.

— А... Я первая спросила! — возмущенно сказала я.

— Удивлен, что ты спросила. Думал, что тебе плевать.

— Мне было плевать. Но ментально называть тебя голубоглазым и брюнетом уже надоело. Поэтому любопытство берет верх...

— Даже так. Тогда, скажу после тебя.

— Что?

— Скажи свое имя, а потом я скажу тебе свое.

— Нет.

— Почему? — смеясь, спросил он.

— Потому что я первая спросила.

— Тогда узнаем имена друг друга в следующий раз. — пожав плечами, он развернулся и пошел в другую сторону. Я сделала то же самое. Но почти сразу вновь обернулась:

— Ада! — недовольно крикнула.

— Что? — непонимающе обернулся *он*.

— Меня зовут Ада.

— Красивое имя, тебе подходит! — крикнул он в ответ, и помахал мне на прощание.

— Так не честно! Ты не сказал свое имя!

— Завтра в двенадцать ночи скажу!

— Урод! — обижено выкрикнула я.

— Возле часов!

В ответ я показала средний палец его удаляющейся спине, и продолжила свой путь. Завернув за первым поворотом, я позволила крыльям проявиться и унести себя в небо, где образовала портал.

***

Глава 4.

— Хватит дрыхнуть! Скоро завтрак. — услышала я сквозь сон голос брата. Затем ощутила щекотание на пятках, отчего резко подобрала ноги под себя.

— Я в тебя сейчас подушкой швырну. — раздраженно пробурчала я, накрывая голову одеялом.

— За что?! Это Рая тебя щекочет! — обиженно воскликнул брат. Уверена, что он еще и руки на груди сложил, как обычно.

— В нее тоже швырну. — ответила я и услышала хихикание сестры, а затем мое одеяло резко исчезло. Открыв глаза, я увидела надувшегося брата (и руки его были сложены на груди!) и хитро ухмыляющуюся Раю с моим розовым одеялом в руках.

— Вы явно хотите оказаться в тюрьме с каннибалами или маньяками-расчлинителями. — прошипела я, резко садясь в кровати и прожигая взглядом брата и сестру.

— Не бурчи! Давай вставай. Иначе папа сразу заподозрит тебя в ночных похождениях. — весело проговорила Рая.

— Ты чего такая веселая? — нахмурилась я.

— Настроение с утра хорошее, вот и веселая. Ну давай же! Вставай!

— Нет. — ложусь обратно.

— Ада, до завтрака двадцать минут. — предупредил меня брат и я со стоном разочарования села в кровати. — Кстати, в следующий раз возвращайся не за час до проверки, а хотя бы за два часа. Отец сегодня спрашивал у охраны, выходила ли ты. Потому что твоя дверь в комнату была открыта. Хотя он до этого видел, как ты ее закрывала.

— Прости. — ответила на это я. На самом деле чувство вины действительно было. Меня ужасно раздражал факт, что из-за меня проверяют моих брата и сестру каждую ночь, что из-за меня за ними тоже следят. Но мама всегда говорит, что нужно делать то, что тебе хочется. Иначе демон из тебя уже никакой.

— Ада? — вдруг позвала меня сестра.

— Рая? — также произнесла я.

— Не кори себя за свои желания. Мы все понимаем. У каждого из нас разные желания и мы идем у них на поводу. Мы всегда тебя поддержим и прикроем, также, как и ты нас. Просто будь аккуратна. Ведь мы все переживаем за тебя. — улыбнувшись, она взяла меня за руку. — А сейчас вставай и приводи себя в порядок. Мы с Даром будем тебя ждать у него в комнате.

Даррел на это заявление лишь закатил глаза. Но взгляд его говорил, что он согласен с Раей во всем. Я кивнула, и они вышли из моих покоев.

— Не плохо. — разглядывая меня, говорит Рая. — Очень даже неплохо для двадцатиминутных сборов.

Сегодня мой наряд состоит из кожаных лосин и зеленого вязаного, но тонкого дырявого, словно болото свитера до колен, а на ногах обычные кеды. Волосы заплетены в вялую косу. Зато лицо у меня очень даже бодро выглядит: улыбка до ушей, глаза подведены черным карандашом, которые окружают накрашенные ресницы; губы видно издалека — алые, словно кровь.

— А у тебя разве был этот свитер? — задает вопрос брат, который осматривает меня досконально. — Папа скажет, что тебя черти потрепали.

Я и Рая улыбнулись. Отец действительно, может, так сказать, но что поделать, если на Земле сейчас такая мода?

— Ты не понимаешь! Это тренд! — восклицаю я, и начинаю хохотать вместе с сестрой. Лицо Даррела скривилось, как от лимона.

— Это какой язык?

— Русский, Дар. Ру-у-усский. — отвечает Рая.

— Ужас. — бурчит себе под нос Даррел, и развернувшись направляется в обеденный зал. Мы с Раей лишь переглянулись и направились следом.

Уже сидя за завтраком и попивая кровавое вино, папа с прищуренным взглядом задает мне вопрос:

— Адочка, солнышко. Скажи мне пожалуйста... — от ласковых обращений начинает воротить, но из-за резкого напряжения мой организм не обращает на это внимание.

— Да папочка? Что? — также приторно отвечаю я отчего лицо кривится теперь у отца. Удивительно, но в этот момент они с Даррелом кажутся очень даже похожими.

— Скажи мне, какой черт тебя потрепал?

Две секунды молчания, а затем взрыв хохота. Даррел и Рая не выдержали за что получили непонимающий нахмуренный взгляд от отца. Мама лишь улыбнулась.

— В каком смысле? — угрюмо спросила я.

— Впервые вижу тебя в таком разодранном свитере. Ты его на какой помойке взяла?

— Может ты его порвала? — вклинивается в наш разговор высокий лукавый голос мамы.

— Нет. — буркнула я.

— Если порвала, то ты знаешь где мусорное ведро. Портниха уже такое не починит.

— Во-первых, это такая мода. Во-вторых, не починит, а зашьет. — почему меня сейчас выставляют какой-то грязной уличной девчонкой?! Еще и собственные родители!

— Не груби. — спокойно просит мама. — Неужели люди совсем обеднели, что стали создавать *такое*?

— Да. — отвечает за меня Рая. — Точнее не совсем обеднели. Просто кто-то решил, что это станет писком моды и угадал. Правда по человеческим меркам, эти свитера были год назад на пике моды. Сейчас их просто ради забавы носят.

— Так. Забыли о моем свитере! Вам не нравится вы и не носите! И вообще, папочка, расскажи нам что-нибудь. Желательно веселое, потому что ты только что угробил мое хорошее настроение. Возвращай его. — разглядывая свои ногти (нужно перекрасить в красный) деловито и нагло заявляю я.

— Хорошо. — вздохнув, отвечает отец. — С тебя тогда и начнем. Сегодня ты идешь в Прием смертных, относишь документы. И можешь поднять себе настроение выговорив там всем свое мнение о них.

— Я могла и просто так все им высказать. — сдув несуществующую пыль с ногтей, отвечаю я и опустив ладони на стол, в предвкушении встаю. — Но! Я согласна. — оскалившись, я потираю руки со злым смешком, отчего вся моя семья начинает смеяться. В детстве всегда прежде, чем нахулиганить, сначала я проделывала это движение.

— Люблю этих чертиков в глазах. — нежно улыбаясь отвечает отец. — Тогда можешь идти. Даррел, ты сегодня отправляешься на охранный пост и берешь записи камер за последние три *человеческих* дня...

Виляя бедрами, я выхожу из обеденного зала и направляюсь в свою комнату. Неужели они подумали, что я пойду так?

На самом деле весь мой прикид — рандом. Все что под руку попалось, то я и напялила. И я вообще без понятия откуда у меня в гардеробе взялся этот свитер! Но не буду же я занижать свой выбор в одежде?

Оказавшись в своих покоях, я прохожу в небольшую гардеробную и приступаю к сборам. Лосины я оставила, а вот свитер поменяла на черное боди с длинным рукавом. Сверху я надела черное пальто с бардовой подкладкой внутри; на ногах черные лакированные лабутены на шпильках.

Косу я расплела, и теперь волосы темными крупными локонами ниспадают на плечи и спину.

Последние штрихи: подкрашиваю вишневой помадой губы и подмигнув отражению, хватаю серебряное кольцо с красным рубином Голубиная кровь, так гласила бирка. И по пути к дверь надеваю кольцо, подаренное отцом на мой 66 708 день рождения.

Я не старая, а просто хорошо сохранившаяся! Тем более, что выгляжу на 19 лет. На самом деле это благодаря крови. Точнее вину, которое мы пьем каждый день. Каждому существу после 14 лет позволяется выбирать в каком возрасте начать употребление кровавого вина. В каком возрасте начнешь его пить в таком теле и будешь оставаться. Прекратишь его пить и станешь выглядеть на свой возраст в действительности. То есть я буду морщинистой и сухой, так как умереть мне от старости не суждено. И да, вино поэтому и называется *кровавым*, потому что состоит из крови. Чьей? Угадайте!

Из своих покоев я направляюсь прямиком в кабинет отца. Он находится на третьем этаже. Поднявшись по черной винтовой лестнице, я оказываюсь в просторном коридоре. Пройдя пару дверей, останавливаюсь напротив черной деревянной на которой красная гравировка гласит: Кабинет Сатаны. Папочка очень себя любит.

Хмыкнув, я стучусь и сразу вхожу.

Как бы странно это ни звучало, но у папы кабинет — самая светлая комната во дворце. Стены тут светло серые, а мебель из обыкновенного дерева, покрытая лаком. Слева от меня находятся книжные стеллажи во всю стену. Справа стоят коричневый кожаный диван и такое же кресло, а перед ними стеклянный журнальный столик. Прямо передо мной стоит огромный офисный стол, на котором лежит куча бумаг и документов, перемешанных между собой. За самим столом выглядывает кожаное темно-красное кресло на колесиках. За всем этим виднеется панорамное окно во всю стену. На полу лежит красный ковер с золотистыми завитушками.

Сам отец стоит около сейфа, который расположен около кожаного дивана. В одной руке у него рюмка с коньяком, а в другой какие-то документы, которые он очень внимательно и хмуро читает. Подняв голову и увидев меня, папа кладет бумаги на стол к куче другого барахла, и закрывает сейф. Даже неудивительно, что коньяк он на стол не поставил.

— Переоделась? — спрашивает он.

Я лишь киваю, и цокая каблуками подхожу к креслу отца, после чего сажусь в него.

Папа никак на это не реагирует, он привык к тому, что я часто занимаю это кресло. Иногда даже ухожу к нему в кабинет, чтобы почитать.

— Вот пришла бы ты на минут десять раньше... — говорит отец, разгребая всю макулатуру на своем столе.

— А вот нужно убираться на столе чаще. — говорю я, тормозя себя на желании закинуть ноги на стол. Этого папа точно не оценит.

— Не умничай. — ворчит он, на что я лишь закатываю глаза.

— Я даю тебе полезные советы. Знаешь, когда складываешь все регулярно и по стопочкам, то очень легко найти даже иголку.

— Вся в мать. — вздохнув отвечает папа, мельком читая и откладывая разные документы. Я же со скучающим видом сначала наблюдаю за отцом, а затем и сама наугад начинаю брать и читать о каких-то договорах, заявлениях, справках, историях заключенных и так далее. Пока не натыкаюсь на скрепленную кипу бумаг с надписью: "**История жизни"**. Чуть ниже нахожу имя и возраст незнакомой души: Кашимеков Радион Васильевич 81 год.

— Пап, ты случайно не дедульку ищешь? — пробегая глазами по базовой информации старика, задаю вопрос я.

— Дедульку. — задумчиво отвечает папа, листая жирную папку.

— А дедульку, случайно не Радион зовут? — уже глядя на отца и склонив голову к плечу, спрашиваю вновь я.

— Радион... — снова бурчит он. — Нашел! — восклицает он и поднимает ту самую огромную папку... — Вот! Как раз Аналитическая справка грешных дел этого дедульки. Осталось найти Историю жизни...

— Эту? — протянув отцу листок, произношу я.

— Эту. — подтверждает он. — А где остальное?

Я опускаю взгляд туда, откуда взяла этот листочек. И мои глаза в два раза увеличились. Потому что жизнь дедульки не маленькая, и стопка бумаг тоже... она раза в два, а то и в три больше, чем та, которая в руках у папы.

— Здесь... — слабым голосом произношу я, пальцем показывая на стопку. — А дедуля умеет удивлять.

— Человек 81 год прожил, что ты еще ожидала увидеть? — насмехаясь, спросил отец.

— Явно поменьше... — произнесла я, наблюдая как папа перевязывает стопки бумаг бечёвкой. А затем складывает их в две специальные кожаные сумки коричневого цвета. Я подхожу ближе к сумкам и мой взгляд *очень* презрителен. — И как *я* буду тащить эти бандуры?

— Не придуривайся. Ты демон или тот чье имя записано на этих бумагах?

***Предисловие:** демоны и ангелы очень сильны физически. Мужская сила ровна силе демоницы.

— Пап, ну я же все-таки *деву-у-ушка*. Твоя принцесса! Попроси Даррела мне помочь...

— У Даррела своих дел полно. Не хочешь, тогда иди и... — но договорить папа не смог. Потому что кое-кому очень хотелось после задания смыться на Землю.

— Я тебя поняла! Отнесу! Но если у твоей дочурки будут вечером болеть ручки или спина, то...

— То я дам ей ремня. — договорил папа. — А если моя дочурка прямо сейчас не убежит со всем этим барахлом, то получит еще и подзатыльник.

На такую угрозу я лишь фыркнула и закатила глаза. А перед тем, как выйти с этими кирпичами и захлопнуть дверь, прокричала:

— С тебя новые сапоги!

Ну а затем я действительно побежала за первый угол. Встретив там Адольфа — это один из охранников, которых отец часто приставляет ко мне. И с которым мы из-за этого сдружились. Поэтому иногда он прикрывает меня по ночам.

— О, тебя как раз и ищу. — говорю я, чуть ли не впечатываясь в него.

— Зачем? — с подозрением глядя на меня, спрашивает Адольф.

— А не видно? Отец сказал, чтобы я попросила первого попавшегося *мужчину* помочь мне. Ты вроде бы выглядишь как мужчина. — осматривая его с ног до головы придирчивым взглядом, произношу я. Адольф по телосложению очень крепкий мужчина с каштановыми волосами до плеч, которые сейчас собраны в хвост. Взгляд зеленых глаз обычно холодный и серьезный, моментами бывает с опасным блеском. По-другому, папа просто не взял бы его в охранники. К тому же Адольф регулярно посещает спортзал. В общем очень крупный и внушающий страх мужчина.

— Хочешь сказать, что не дотащишь? — прищурив глаза, снова задает вопросы он.

— А нет, ошиблась. Как мужчина не выглядишь, обозналась. Знаешь, последнее время появились проблемы со зрением.

— Даже не надейся. Тем более без меня тебе будет легче удрать. — подмигнув, отвечает Ад.

— Святой Отец, ты зачем таких парней наделал? — нахмурившись произношу я, и пихнув его плечом, ухожу виляя бедрами.

— Конечно я тебя, если что прикрою, Гаденыш. — летит мне в спину, на что я поворачиваю голову и показываю язык. Руки заняты, поэтому сегодня без жестов. И продолжаю путь.

Прием Смерти.

На самом деле это место не так уж близко. Оно парит прямиком на границе Ада и Рая. Только гораздо выше. Если вы думаете, что Ад находится под землей, а Рай где-то в небесах, то вас опять обманули. Ад и Рай находятся вообще немного в другом месте. Это что-то типа второй мини-вселенной. Которая связана с Землей. Но наше царство действительно *парит* над миром людей. Просто парит гораздо выше, чем представляют люди. Существуют специальные порталы, через которые ты может попасть на Землю. Но вот оттуда, придется возвращаться немного иным способом.

Во-первых, когда ты проходишь сквозь портал, будь готов к тому, что можешь оказаться в небе и лететь прямо вниз (не всегда портал решает открыться где-то в спокойном или безлюдном месте, не говоря уже о твердой поверхности). Разбиться это часть проблемы. На то, чтобы очнуться нам понадобиться несколько минут. Проблема в том, что тебя могут увидеть люди (а они увидят и не дай бог снимут на телефон). Если ты вдруг очнешься целым и невредимым после падения с неба, будет не то, что странно... Будет капец.

Во-вторых, в Небесное Царство можно вернуться только с помощью крыльев. Резкий толчок, концентрация мыслей и силы воедино образует портал, которые перенесет туда, куда ты сам задумал, а не наугад.

Так вот. Прием Смерти находится над границей Ада и Рая, потому что это считается центром Царства и оттуда идет определение дальнейшего пути души человеческой. Само это место выглядит как замок, который меняет окраску в зависимости от времени суток. Ночью он становится пурпурно-серебристым, переливаясь словно волны. Днем же он становится молочным переливаясь в зависимости от ветра в бежевый. Великолепное здание, в которое просто так не попадешь.

Но есть еще одно "но". Все правительственные и смертные штучки находятся в одном месте, образуя что-то типа столицы Небесного Царства. Над всей границей Ада и Рая расположены: Приём смерти, Душе хранитель, Возродитель, Люменарии, Первородная библиотека и другие глобальные места.

Приземлившись напротив входа во двор Приёма Смерти (да, тут даже дворы у каждого высшего здания есть, которые позволяют попасть под купол, он же накрывает полностью здание), я встречаюсь взглядом с одним из охранников. У них в руках копья, но наконечник не из железа или камня, а из зеленого магического камня. Такие камни не убивают, а лишь ранят. Ну или можно произнести заветные слова и тогда ты окажешься связанным или подвешенным. Смотря что натворишь.

— Доброе утро. Тут то, что должно лежать у вас. —приподняв сумки, говорю я. — Сатана передал.

Естественно, они знают, что перед ними стоит средняя дочь Сатаны. Но даже дети должны в обществе называть своих родителей по титулу. Иначе, ребенок плохо воспитан. И это никак не влияет на твою расу. Но если быть честной, называть своего отца по титулу очень непривычно. Сатана. Грозно, страшно и угрожающе. Все его боятся. Но только близкие ему люди знают, что он не угроза. А дамы и вовсе не назовут его страшным. Но разве он грозный? Мой папа? Папа Даррела и Раи? Бред! Мой папа тот еще шутник, и очень ранимый, нежный демон. Но это знаем только мы — его семья. Остальным действительно лучше знать его как самое опасное существо мира.

На самом деле, папу мало кто видит. Довольно редкая персона на каком-либо празднике, не говоря уже об улицах. Но если он и появляется, то показывает свое величие, и мы часто слышим из детских разговоров, что от отца веет силой и чем-то темным. Многие дети его боятся. Да и не только дети.

Возвращаемся к Приему смерти.

— Проходи, Ада. — улыбнувшись пропускает меня Алавий. Когда-то он служил у нас во дворце, поэтому хорошо знает мою семью. Правда служил, когда я еще ребёнком была.

— Благодарю. Сегодня без воздушных поцелуев, руки заняты. — пожав плечами отвечаю я и подмигиваю.

Рядом с Алавием стоит второй охранник, которого я тоже знаю — Август. Он жнец. Он также улыбается и отходит в сторону, пропуская:

— Мы сделаем это за тебя. — произносит он, и свободной рукой шлет воздушный поцелуй. Алавий проделывает то же самое.

— До встречи. — с поднятым настроением я вхожу во двор.

И вот можно ли вообще представить, что угрюмые и неразговорчивые на службе охранники, будут слать вам воздушные поцелуи? Нет. Просто, если ты спокойный и милый демон, то все настроены к тебе положительно. Не доводите меня, и будете живы.

Шагая по тропинке, я вновь восхищаюсь природой. Алые, яркие розы, белоснежные пионы растут тут только так. Огромными кустами. Это символ демонов и ангелов. Также тут растут обыкновенные яблони, которые отливают желтым, насыщенным цветом. Символ человека. Все это в одном саду, потому что должны жить мирно и вместе. Ближе ко входу в здание растет красный и зеленый виноград, который обвивает колонны и само сооружение.

Следующая пара охранников также знакома мне, но не так хорошо, как Алавий и Август. Тем не менее меня спокойно пропускают, и вот я вхожу в строение. Оказываюсь я моментально в довольно просторном помещении. Тут высокие потолки и роскошные люстры, правда все желтом, бежевом, золотистом и черном оттенках. Еще здесь стоят столы для оформления, просмотра, быстрой регестрации, печати и подписи, перенаправления, возврат. Пахнет тут старой бумагой и чернилами. Окна тут тоже почти до потолка и за ними видно просторный туман, сквозь который пробиваются солнечные лучи. Если подойти ближе и смотреть вниз, то можно разглядеть границу Ада и Рая, а также некоторые дома жителей данных мест. Ну и также здесь стоит охрана и два ангела, которых также называют Рит Зиенами. Данные ангелы работают в качестве медиков, но также часто их ставят как смотрящих на предмет оружия. Меня осматривают и пропускают. Дальше я оказываюсь в огромном зале, в котором очень много ангелов и демонов, снующих туда-сюда. Все они тут либо работают, либо пришли просить документы для кого-то вышестоящего. Кто-то просто мог прийти ради того, чтобы посмотреть свою Историю жизни или Справку грехов. Кого-то только приняли в Царство и поэтому собирают все данные воедино. В общем кто с чем и зачем пришел нам знать не обязательно.

Я подхожу к столу, который находится около правой стены и стоит ближе ко входу. Стол из темного дерева, который разделяет меня и рабочего обыкновенное стекло с окошком для передачи бумаг. За самим столом возвышается шкаф высотой в метра три, полностью забитый бумагами, книгами, ящиками и свертками. На самом столе лежит разная канцелярия, печать и чернильница с золотистым пером (для особых подписей), бумаги с напечатанным текстом и написанным от руки, помада, кожаная коричневая перчатка, очки в черной полукруглой оправе, чашка с кофе, которое явно уже остыло и прочее барахло. На столе со стороны посетителя стоит не маленькая табличка со словом "ВОЗВРАТ". Я сажусь на высокий стул с мягкой черной обивкой (вкуса в этом здании явно нет), предварительно поставив две сумки на стол. Затем стала выкладывать стопки бумаг, параллельно ведя диалог:

— Добрый день, — приветствует меня светло-русая девушка с зелеными глазами. Волосы ее заплетены в две косы, а губы накрашены малиновой помадой. Но одета она в строгий костюм с юбкой. Девушка мило улыбается, играя при этом ручкой. — Вам оформить возврат от кого и куда?

Ангел. Это я понимаю по перу для письма (работники в таких местах используют только свои перья) и по имени на бейджике.

— Добрый... день? Уже? Ангелина, — обращаюсь к ней по имени. Имя довольно красивое. — Мне возврат от...

— Сатаны? — перебивает меня девушка. Хммм, даже не знаю, как она догадалась. Когда она вообще устроилась сюда? Раньше я ее тут не видела.

— Все возможно. — отвечаю я, не очень веселым тоном. Я к ней с уважением, а меня перебивают.

— Хорошо. Чьи документы? И куда их возвращать? — все также весело спрашивает она. Но не долго ее веселью осталось...

— Сами не догадываетесь? — изогнув бровь, задаю вопрос я и наблюдаю как на милом личике проявляется стыд. — Здесь Аналитическая справка грехов и История жизни Кашимекова Радиона Васильевича. Прожил 81 год и три месяца. Возврат идет от Правителя Ада, Сатаны. Но запишите как Люцифер, он не любит, когда в документах указывают титул, а не имя. Потом возникают вопросы и вам прибавляется работы с переделкой документов. Заботится о вашем времени. — информацию кроме указания документов и фамилии имени отчества души бесполезна, так как девушка сама что-то знает, а что-то ей и вовсе не нужно. Что-то может, и сама прочитать. Но я решила, что нужно указать ей на ошибку. Нельзя обращаться к посетителям без имени и тем более так открыто указывать на знание информации о них. Некультурно.

— Х-хорошо. — все что произносит девушка и начинает печатать документы на возврат, а затем от руки заполняет информацию, которую я озвучила. Спустя минут пять она протягивает мне первый лист:

— Вот, распишитесь. Это документ о возврате Истории жизни, в котором подтверждается, что все страницы на месте и никак не пострадали. И немного выше подписи укажите свое имя и по возможности титул, и подтверждение, что вас послал Люцифер. Подтверждение в качестве определенного слова, которое он использует для подтверждения личности в Приеме смерти. — Ангелина выпаливает это все на одном дыхании, краснея при этом еще больше. Но я больше ничего ей из гадостей не говорю, а лишь киваю и принимаю перо для подписи. Затем беру *ручку* и пишу:

Ада, дочь. Титул: средняя принцесса Ада. Послана отцом, имя которого Люцифер, титул: Сатана — правитель Ада. Слово подтверждение: Весперия.

— Готово. — произношу я и протягиваю лист ей обратно.

Ангелина принимает его, пробегается глазами по информации и откладывает в сторону, затем протягивает мне другой лист:

— Еще один документ — Аналитическая справка грехов. Тут тоже нужна роспись, она также подтвердит... — девушку я обрываю, потому что смотреть на нее без жалости больше нет сил. Она разве что не заикается, но говорит так, будто я заставила рассказывать скороговорку.

— Я поняла, спасибо. — забрав лист проделываю то же, что и перед этим. Возвращаю лист.

— Отлично. — Ангелина ставит печать, и протягивает два документа мне. — Теперь вам нужно пройти к столу "ПЕЧАТЬ И ПОДПИСЬ", а затем вас направят к столу "ПЕРЕНАПРАВЛЕНИЕ". Спасибо за возврат и целостность документов, хорошего вам дня! — все также быстро лепечет девушка и сразу отводит глаза.

— Вам тоже хорошего дня, Ангелина. Меня зовут Ада, я здесь часто появляюсь, поэтому это имя придется запомнить. — подмигнув ей я направляюсь к другому столу. Где мне повторно все подписывают и действительно направляют к третьему столу. Ну а там я получаю перенаправление в зал "ПРИЁМ".

Насчет Ангелины. Назвала я ей свое имя, не просто так. Я сразу поняла, что она не знает кто я. Рая или Ада? Смешно, но действительно люди путают иногда нас с сестрой. Даже несмотря на наши огромные различия во всем. Просто кто-то размышляет, что имя Ада досталось мне из-за темных волос и ауры, а кто-то думает, что меня зовут Рая из-за светлого цвета глаз (особенно, когда я выхожу в светлой одежде). В общем, все ассоциируют наши имена с

внешностью. Ад — темнота и мрак, а Рай — свет и нежность. По сути, наши родители именно этой схемой и выбрали нам имена. Я темноволосая, кожа моя темнее, чем у Раи и крылья мои тоже темные. Значит я Ад. И думать не надо! Ада — идеальное имя! Нет, мне оно очень нравится. И другое мне не пойдет. Но знаете, как смешно заполнять мне документы, где нужно указывать титул? Вот вам пример, который только что вы видели:

Ада, дочь. Средняя принцесса Ада.

И вот думайте, что я указала в конце: имя или титул? Еще веселее, когда нужно писать имя и сразу титул: Ада — средняя принцесса Ада. Или, когда у нас в замке пир, и всех членов моей семьи представляют залу, происходит это: Средняя дочь Люцифера, вторая в очереди на престол после отца, принцесса Ада!

Для сравнения: Старший сын Люцифера, следующий в очереди на престол после отца, принц Ада Даррел!

Разница чувствуется. Те, кто мало что знает о моей семье думают, что у меня имени нет!

Рая вообще комедия: Младшая дочь Люцифера, третья в очереди на престол после отца, принцесса Ада Рая!

О да! Моя сестра правит сразу и Раем, и Адом! Она круче всех нас троих, но тоже без имени. Это была наша детская шутка, которая живет с нами по сей день.

Попав в зал "ПРИЁМ", я встречаю снова охранников. Они осматривают меня и пропускают. Я прохожу в следующие двери. Открыв их, я попадаю в светло-голубую комнату. Тут нежные голубые стены, белая плитка на полу, столы из белого дерева, кресла и диван темно-голубого оттенка с позолоченной окантовкой. Шикарная золотая люстра с белыми камнями. Шкафы с книгами и папками сделаны также из белого дерева, но со стеклянными дверцами. Ковер немного темнее стен. Комната излучает спокойствие, но не комфорт. В креслах сидят двое ангелов. Один из них брюнет с зелеными глазами и изумрудными, где-то темно-зелеными узорами и бирюзовым свечением крыльями. На поясе свисает меч, а в руках у него чашка с чаем видимо. Второй русый с голубыми глазами, также сидит в кресле с широко расставленными ногами, между которыми свисает меч. Крылья его сиреневые с голубыми крапинками и серебренным светом. В руках у него тоже чашка, но пустая.

Увидев меня на пороге их глаза увеличиваются, и они дергаются, садятся с ровной спиной, поправляют мечи и складывают крылья. Первый правда едва не проливает чай. Их глаза устремляются к дяде, который занимает главное место за столом напротив. Блондин с яркими голубыми глазами. Крылья его, я знаю и так, синие, с пурпурным свечением. Его зовут Аарон. А двоих парней Колл и Артем.

Аарон встает с кресла и поклоняется, но по его лицо сразу ясно, что он знает зачем я сюда пришла. Парни повторяют его движения и все трое возвращаются в кресла.

— Чаевничаете? — томно спрашиваю я, ухмыляясь.

— А что еще прикажешь делать? — спрашивает в ответ Аарон. Мы с ним хорошо знакомы, так же, как и отец. Если быть точнее, Аарон один из близких друзей папы. Поэтому общаемся мы как очень близкие люди.

— Работать, милый. Ра-бо-тать. — подмигнув отвечаю я.

Колл и Артем редко видят меня, поэтому плохо знают мою манеру общения. И то, что нам с Аароном привычна эта манера.

— Ну не будь занудой как твой отец. — ноет Аарон, делая вид, что плачет.

— Ну и зачем я тогда сюда тащилась?

— Чтобы вернуть нам то, что брал твой отец? — радостно отвечает он.

— Бинго! Но нет. — резко меняю я выражение лица с милого и приветливого на строгое и раздраженное. Затем на моем лице расплывается кровожадный оскал.

— Он послал тебя рвать и метать, о мой юный ураган? — вздыхая и тепло улыбаясь, спрашивает Аарон.

— Qui! — киваю я.

— Ну тогда не смею лишать тебя такого удовольствия!

— Говоришь прям как в фильмах про дьяволов. — фыркаю я.

— Нужно поддерживать статус. — пожимает он плечами.

Я лишь хмыкаю и мой оскал становится еще ужаснее.

— Вы вообще работаете?! — начинаю я, переводя взгляд на парней. Их головы заметно вжимаются в плечи. — КАК МОЖНО БЫЛО СТАРИКА ЗАСУНУТЬ В АД, КОГДА ОН ЗА ВСЮ ЖИЗНЬ И СЛОВА ГРЯЗНОГО НЕ СКАЗАЛ?! — рявкаю я, отчего мальчики дергаются. Я перевожу уже яростный взгляд на Аарона, который смотрит на всю картину с насмешкой. Но заметив мой взгляд сразу меняется в лице: становится серьезным и показывает "класс" двумя руками. — А *ты* чего ресницами махаешь?! — я разворачиваюсь корпусом к Аарону. Все же не буду доводить малышей до инфаркта. — КТО СЛЕДИТ ТУТ ЗА ПОРЯДКОМ?! ТЫ ТУТ УПРАВЛЯЮЩИЙ ИЛИ САТАНА?! КАКОГО ЧЕРТА К НЕМУ ПРИВОДЯТ СТАРИКА, КОТОРЫЙ ВСЮ ЖИЗНЬ ПОСВЯТИЛ ПРИЮТАМ?! ОН КОГДА УВИДЕЛ ОТЦА ЧУТЬ КОНЬКИ ВТОРОЙ РАЗ НЕ ОТБРОСИЛ! ВАМ ДУШ МАЛО ИЛИ ЧЁ?! ДА ПО ОДНОМУ ВЗГЛЯДУ ЯСНО, ЧТО ДЕД — **АНГЕЛ**!!! ЕГО СРАЗУ В ЖНЕЦЫ НУЖНО, КАК БЫ НЕ В ХЕРУВИМЫ!!!

Я замолкаю, чтобы перевести дыхание. Люблю орать за ошибки. *Тем более*на кого-то старшего. Если бы не отец, я бы не имела такой возможности.

— И все? — насмешливо глядя на меня, спрашивает Аарон. Я лишь хмуро на него смотрю. — Да ладно, не прикидывайся. Я вижу чертей в твоих глазах.

— Да, я тоже. Целых трех. — отвечаю я, обводя комнату взглядом.

Ангелы переглядываются, мол: "Это она нас чертями обозвала?"

— Да, вы тоже черти. — фыркаю.

— Ну хватит мне мальчишек запугивать. — хмыкнув, произносит Аарон. — Неужели твоему величию мало моей взрослой натуры?

— Скорее старой, чем взрослой. — добавляю я.

— Ну все. Выговорилась и хватит. Давай бумажку, подпишу и порхай отсюда. — уже раздраженно заканчивает Аарон.

— Слушай, из тебя поганый Крёстный отец. Я папе все расскажу.

— Валяй.

— Тоже мне. — закатив глаза я бросаю документ ему под нос. — Этот листок очень хочет твоей ручки. — произношу я, и встретившись с хмурым взглядом Аарона, который за пару секунд превращается в шокированный, не сдерживаюсь и начинаю хохотать. Спустя пару секунд мой смех затмевают басы трех ангелочков.

***

Пробыла я в кабинете у крёстного ещё около часа по человеческим меркам. За это время я смогла поближе познакомиться с Артемом и Коллом, которые оказались очень даже веселыми ребятами. И очень быстро привыкли к моему обществу, юмору и стилю общения. Для ангелов это редкость, им тяжело дается подстроиться под общение демонов. Но Колл и Артем быстро освоились, потому что сами шутят и общаются как я. В общем ребятки мне понравились, и мы даже договорились как-нибудь вместе потусить.

Прощались мы тоже в моем любимом стиле:

— Ну мальчики, не скучайте, а иначе то, что выросло уменьшится. — ухмыляясь заявила я, отчего Колл и Артем покраснели, а Аарон звонко влепил себе ладошкой по лбу. — Я про мозг. — закатив глаза, пояснила я и ушла.

Глава 5.

Все идет своим чередом. И мир Земной и мир Параллельный, то есть Небесный.

Поэтому пока Ада возвращается домой из Приема Смерти, где-то происходит то, что в будущем позволит ей находиться на Земле очень долгое время.

В Порог Молчания попадает душа. Ее хозяин был казнен за многочисленные убийства. О-о-о, об этом маньяке знают *даже* Небесные жители, так как многие души убитых им людей уже давно распределены в Душе Хранителе, а некоторые даже возрождены. Ангелы и демоны даже делали ставки скольких людей он всего успеет убить или в каком возрасте настанет его кара.

— И сколько у него на счету их? — спрашивает парень ангел у демоницы, которая вела список жертв этого монстра!

— Сколько?

— Действительно, сколько?

— Ну же!

— Говори! — доносились голоса чуть ли не всех работников Порога. Все сгорали он любопытства.

— А говорили, что я глупостью занимаюсь! — смерив всех насмешливых взглядом, отвечает черноволосая демоница с осиной талией и темно-коричневой помадой на губах. — Итак, не буду держать интриг. На моей памяти и в моем списке числится 207 душ. Из них даже три души, которые были возрождены.

От услышанного числа по огромному залу разнеслось громкое гудение удивленных голосов.

— Я была ближе всех! — слышится веселый девичий голос, который после обращенных на нее взглядов переходит на смех.

— Тебе весело? — слышится возмущенный вопрос. — Да. — честно отвечает она. — Вы видели свои лица? Я сразу сказала, что он убьет 209 человек. — гордо заявляет девушка.

— Я говорил, что он убьет 201 человека! — выкрикивает писклявый мужской голос.

— Что ближе 201 или 209? — насмешливо задает вопрос девушка.

— И что ты хочешь? Чтобы мы тебе отдали... — начинает какой-то мужчина.

— Мне ничего от вас не надо, мои дорогие и наивные. Просто утираю вам носы, и все чего я хочу — вашего возвращения к работе и уважительного отношения к друг другу. А ваших даров мне не нужно, мне хватает всего.

— Выпендрежница! — выкрикивает молоденькая девушка.

— Ах да, и хочу, чтобы те, кто считает меня Выпендрежницей и пускает за моей спиной грязные слухи, а также о моей сестре и семье в целом, был отстранен от работы в любом месте на четыре человеческих месяца. — от данного заявления, весь народ, что был собран в огромном помещении ахнул от удивления. К их счастью, отстранены будут всего шесть человек.

— Стерва! — зло прорычала та, что минуту назад оскорбила...

— Ошиблась, я просто дочь самого могущественного дьявола, которому ты должна поклоняться, а не наоборот. Не переживай, он об этом не узнает. А вот Ада... Ведь ее ты так боишься. Не так ли? — победный оскал медленно размещается на лице Раи. И он так похож на оскал ее сестры... — Ты знала на что идешь, озвучивая свои мысли.

Развернувшись, Рая вышла из помещения.

***

Свобода!

1. Переодеться

2. Поужинать. Нет, лучше заглянуть в тюрьму и поиздеваться над заключенными. А вот потом поужинать.

3. Поужинать.

4. Сбежать.

Мысленно я выстраиваю план на оставшийся день, шагая уже по коридорам замка к кабинету отца. Привычно постучав и сразу распахнув дверь, я вхожу в кабинет.

Отец сидит и с очень серьезным лицом что-то читает на листке бумаги. Подняв голову и увидев меня, его взгляд в миг теплеет.

— Ну как? — спрашивает он, и вместо ответа я отдаю ему документ о подтверждении возврата Истории и Справки. — Отчитала там всех?

— Да. Досталось и Аарону и даже двум парням-ангелочкам, которые в этот момент сидели и пили у него чай. — начинаю я и в итоге пересказываю отцу принципе все, что происходило со мной за эти полдня моего отсутствия. На моменте, где Артем и Колл пугаются меня, отец начинает смеяться, да так, что хватается за живот.

— Горжусь, дочка!

***

Интересный факт:

Знали ли вы, что если вы умрете бескорыстным, добрым и счастливым ребенком, то вам будет предоставлен выбор: ангел или перерождение души. Если вы умрете ребенком полным корысти, жадности и лживости, то выбор у вас будет естественно таким: демон или перерождение?

***Предисловие:** Херувимы и Парки имеют права на многое. Например, на посещение таких мест, как Душе Хранитель, без каких-либо преград.

Все ангелы и демоны общаются между друг другом, просто не у всех хорошие взаимоотношения.

Поэтому и у Рега есть подруга, которая любит пожаловаться на правителей Ада. Ее зовут Алалия. И она демоница. Он же сам ангел. И не просто ангел, а Херувим.

Как он им стал? Его намерения чисты, и он всегда оставался верным и добрым, даже счастливым. Хоть и человеческая жизнь, которую он, естественно, помнит, не задалась вообще.

Ему было тогда шесть. Возраст, который стал последним во всем: последний день рождения, последний человеческий возраст, последний торт, последние каникулы, последний выходной и многое другое.

Это был сентябрь, суббота. Тогда было еще тепло, и он с родителями и старшим братом отправились сначала в парк аттракционов, а затем поехали на дачу. Вечером его семья устроила пикник, к ним пришли в гости соседи со своим сыном, который всего лишь на год старше Рега. Он, его старший брат Рей и соседский мальчик играли возле дома. Рей следил за младшим братом, веселил, смешил и уделял больше внимания ему, нежели соседу. Между братьями всегда были теплые отношения, даже несмотря на 5 лет разницы в возрасте. Им никто не нужен был, чтобы играть, гулять, разговаривать. Поэтому и друзей не особо много было у каждого. А у мальчика Мэтта, был старший брат, который его ненавидел. Ну вот и можно сложить дважды два, чтобы понять, что произошло.

Зависть. Мэтта раздражало, что даже тут он лишний, что у него нет таких отношений с братом. Да даже друзей у него не было. А от понимания, что Рей и Рег его почти не замечают и играют только вдвоем в нем закипала злость. Он попытался поговорить с братьями, и мальчишки пытались найти общие темы, поиграть во что-то. Но либо их, либо Мэтта это не устраивало и найти они ничего общего не смогли. Поэтому Мэтт затаил обиду и остался в одиночестве сидеть под старых большим дубом, наблюдая как весело проводят вдвоем Рег и Рей. Злость, зависть и обида взяли верх над Мэттом, и он сам не понял, как накинулся на Рега

с кулаками. Рег худенький, поэтому увиливал от ударов, спиной отходя все ближе к проезжей части. Рей же пытался образумить Мэтта, драться ни один из братьев не умел и не хотел. А вот в Мэтте было слишком много зла. Поэтому резко двинув Рею между ног, он побежал на Рега, и пока тот закрывал лицо от ударов и все дальше уходил с безопасной территории, а Мэтт вымещал свою обиду, Рей заметил несущуюся на огромной скорости машину. Он стал кричать, чтобы Мэтт успокоился, чтобы Рег и Мэтт ушли от дороги, даже стал бить обидчика по спине, щипать и пинать. Но Мэтт, почувствовав удары со спины, оттолкнул от себя плачущего с фингалом под глазом, разбитой губой и синиками по всему телу Рега и развернулся к Рею.

Тут все и произошло. Из-за слез Рег не видел куда летит, куда падает. Почувствовал лишь боль в районе поясницы и ягодицах из-за приземления на асфальт.

Последнее, что он смог развидеть бегущих и что-то кричащих в ужасе отца и мать, перекошенное от злости лицо Мэтта, стоящую где-то на крыльце мать Мэтта, и испуганное лицо Рея, что-то кричащего ему, Регу. Но вот что, он уже слышал. В его ушах был гул машины, которая не успела затормозить и просто переехала его тело. Потом слух прорезался, и он услышал, как кричит мама, Рей и что отец кого-то ругает.

Затем он увидел рыдающее лицо матери, такое же лицо брата и парализованное лицо отца.

Он чувствовал адскую боль во всем теле, запах и вкус крови. А затем его глаза закрылись, звуки испарились и запахи тоже. Перед ним стала бежать полоса всей его жизни, впредь до драки с Мэттом.

А затем он открыл глаза в очень светлом месте. Он лежал на чем-то очень мягком. Пахло тут чем-то приятным и сладким. А открыв глаза увидел лицо очень красивой женщины. Она оказалась очень доброй. Ее милую улыбку и тепло в глазах он запомнит на всю жизнь, так же, как и человеческую жизнь.

— Здравствуй, малыш. — ее голос был полон заботы и нежности. — Не пугайся, я Икона. Та, кто позаботится о тебе вне зависимости от твоего дальнейшего выбора. Та которая поможет тебе позабыть боль вот здесь. — указав аккуратным тоненьким пальчиком на его грудь, произнесла женщина.

— Где я? — хрипло спросил тогда Рег.

— Ты в Пороге Молчания.

— Это где? — его голос был очень слабым. — Это Рай? — это предположение вызвало улыбку у светлой женщины.

— Почти. Ты попадешь туда, как только немного поправишься и сделаешь выбор.

— Какой?

— Для начала ты должен прийти в себя, малыш. У тебя очень много переломов. Из-за этого ты и... — в глазах женщины появилась грусть.

— Я умер? — этот вопрос он задал спокойно, будто был готов к этому с самого своего рождения.

— Да. Что произошло? Ты помнишь?

— Да. Меня сбила машина.

— Тебя тревожит эта мысль? Печалит? Или может давит на душу? — эти вопросы не пробудили в нем каких-то особых бурных эмоций.

— Нет. Меня не печалит смерть. Брат говорил, что все мы рождены для этого.

— Тогда, что тебе приносит боль?

— Ничего. Мне лишь жаль родителей и брата. Они любили меня.

Мальчик был серьезен, и рассуждал как взрослый. Это поразило Икону. Она должна была забрать его воспоминания о жизни, если они проносят ему боль, вред. Чтобы он продолжил свою жизнь здесь без этих чувств. Она была уверена, что мальчик будет хороших ангелом. Но несмотря на ужасную смерть, о которой она все уже знала, мальчик был спокоен.

Рег был в смертельном сне двое человеческих суток. Поэтому Аналитическую справку грехов и Историю жизни уже давно успели собрать и отправить в Прием Смерти, перед этим предоставив их той, кто будет заботиться о мальчике до его взросления и возможности самому все делать.

Душа мальчика была очень сильной.

— Как вас зовут? — спросил он. — Икона — это же титул?

— Верно. Как думаешь, какое мое настоящее имя?

— Вы очень светлая не только внешне, но и душевно. Я это чувствую. — было странно слушать такие серьезные слова от шестилетнего мальчишки со слабым голосом из-за травм. — Ваше имя Любовь? Светлана вам не подходит.

— Не совсем. Но мои родители хотели назвать меня Любовью. Но отец передумал и дал мне имя Христина.

— Красивое. Я такое еще не слышал.

С того дня мальчик рос и восстанавливался. А спустя четыре недели ему предоставили выбрать свой путь: стать ангелом или отдать свою душу на перерождение на Земле.

Регу нравилось тут. Поэтому он выбрал роль Ангела. Спустя очень много лет, трудов и усилий, Рега возглавили до титула Херувима. Христину он изредка навещает. Она очень гордится им.

Но также он вспоминает брата и родителей. Интересно каким вырос Рей. Как выглядит он, и как поживают родители. Женился ли Рей? Вспоминает, как по ночам он приходил к старшему брату и вместе они фантазировали, мечтали и ставили цели. Но сколько бы он ни пытался встретить его на Земле — так и не нашел. Узнал лишь, что его семья переехала в другое место. А вот куда никто не знает.

Рег точно знает, что его семья жива, так как каждый день бывает в Пороге Молчания. Чаще всего даже отправляет Истории жизни и Справки грехов в Прием Смерти. Никто кроме него и не знает кто его родители, есть ли брат или сестра. Но он сам сразу бы узнал их.

Но он знает, что того, кто повинен в его смерти тоже уже давно нет в живых. Мэтт умер в возрасте 8 лет. Сам он с Регом не виделся. Но ему рассказывала Христина, что мальчик говорил о нем очень плохо и проклинал его брата. За что только?

Душа Мэтта естественно ужасна. Но Мэтт не захотел быть демоном, поэтому его душа хранится в Душе хранителе в отсеке Демвод. Рег даже видел ее. Душа закована в стеклянный шар, внутри которого происходит передвижение частиц и волн, напоминающих волны песка. Душа Мэтта мерзкого болотного цвета.

***

От лица Рега в наше время

— Она просто в конец обнаглела! — возмущенно кричит Алалия. — Думает раз дочь Сатаны так все! На все имеет право! А я теперь буду сосать палец!

— Успокойся. В конце концов ты сама виновата, и нужно радоваться, что ты сможешь вернуться на работу. — наливая кофе у стойки, говорю я Алалии.

— Ты серьезно?! Я думала ты меня поддержишь! Может она тебе нравится? — злой взгляд встречается с моим...веселым.

— Что за глупости ты несешь? Для чего мне она? Просто рассуди сама. Ты постоянно оскорбляешь, разносишь слухи об Аде и ее семье. При чем говоришь об этом в открытую везде и всегда. Хотя, по сути, ее семья ничего тебе не сделала.

— Не сделала?!

— Нет. Ада тогда поставила тебя на место, потому что ты не нравилась ее брату, но жутко к нему липла. Что сама понимаешь и признаешь. Так в чем же проблема?

— Ты не понимаешь!

— Еще как понимаю, Алалия. Ты приставала к Даррелу, он тебе прямо и вежливо ответил отказом. Сказав, что не ставит пока что целей обзаводиться отношениями. Он слишком воспитан, поэтому грубо ответить не мог. Вместо него это сделала его сестра, которая не могла спокойно даже поговорить с ним из-за твоего навязчивого присутствия. Винить ты должна во всем себя. Зачем вообще решила бегать за принцем Ада?

— Мне нужно было же сделать так, чтобы он меня заметил! И вообще, ты мне друг? — я согласно киваю. — Тогда почему ты просто не можешь хоть раз сказать, что я права, просто чтобы я успокоилась?!

— Потому что ты не права. Зачем мне тебе врать?

— Тоже мне, ангелочек. — с этими словами она садится за стойку, и я протягиваю ей чашку ее любимого кофе с клубничным сиропом. — И все же, что мне теперь делать? А как я потом опозоренная вернусь на работу?

— Зато высказала свое мнение. — пожав плечами припоминаю ей ее же фразу. — Кстати, а из-за чего она вообще тебя отстранила?

— А, помнишь я рассказывала, что мы спорили на убийцу и его жертв?

— М-м-м... — задумчиво тяну я. — Кажется припоминаю. Спор был еще, сколько людей умрет от его рук, прежде чем он сам того. Да?

— Да-да. Так вот. Сегодня его душа прибыла к нам! — торжественно объявляет Алалия. Ее всегда забавляют истории смерти людей. А если там еще присутствовал спор...

— Неужели?

— Да! И вот эта стерва угадала, прикинь? Прям ровно попала почти. *Я была ближе всех!*— писклявым голосом парадирует младшую дочь Сатаны Алалия. —*Ля-ля-ля. Посмотрите на меня! Бу-бу-бу!*

— Так, а сколько всего убил он? — любопытство берет верх.

— 207! А эта дура сказала 209, и при чем даже узнав итоговое число, все равно ведет себя так будто прям в цель попала!

— Так, а зовут как эту пакость? — что поделать, есть мой единственный минус — любопытство.

— Вот везет тебе, что я прежде, чем уйти оттуда спросила у Николь информацию о нем. — в ее зеленых глазах пляшут черти. — Короче, у него очень тяжелое детство оказывается. Родители очень любящие и заботливые. Но произошло у него, конечно, *такое-е-е*!

— Давай говори уже! Интриганка! — не выдерживаю я.

— Какой нетерпеливый. В общем в детстве у него умер брат. При чем на его же глазах! Представляешь?

Сердце кольнуло. Представляю...

— Бедный. Неужели смерть брата сподвигла его на убийства? — мой голос пропитан искренней печалью.

— Угадал. Он винил себя в его смерти. Считал, что мог его спасти. После этого он сильно замкнулся в себе. Стал скрытным, замкнутым, неприметным. А затем, спустя год, даже немного меньше, он убил мальчишку, которого также считал виновным в смерти брата. Видимо слишком любил его.

— А брат старший? — ловя дежавю, спрашиваю я.

— Младший. Так после этого он не остановился. Он убивал сначала хулиганов на улице. Затем будучи взрослым парнем, уже выискивал не только хулиганов, но и просто семьи, в которых будет обязательно старший брат, которому плевать на младшего и младшего подонка. Но большинство его жертв, как говорят, похожи на первого мальчика.

Сердце колит вновь, и оно постепенно начинает стучать быстрее.

— А почему именно таких? — нахмурившись, задаю новый вопрос я.

— Вроде как из-за того, что его младшего брата убил именно ребенок из такой семьи.

Сердце стучит настолько быстро и громко, что мне начинает казаться, будто Алалия тоже его слышит.

— Так и убивать он стал, будучи ребёнком.

— Сколько ему было?

— Одиннадцать. — сердце начинает ужасно колоть. — А и еще! Его поселили в Хирвод! Потому что его знает *весь мир*! Не только земной, но и наш. И еще на счету столько убийств!— я вздрагиваю, по коже проходит волна холода. — Ты чего?

— Да я просто представил детей, которых он убил... — прокашлявшись, отвечаю я. — И как же все-таки звали этого убийцу?

— Рей Фостер. — от услышанного имени я давлюсь воздухом. Не может быть... Хотя фамилия...*моя*. *Наша* фамилия. Известная фамилия Ника Фостера, который изучал биологию и преподавал ее в университете... Фамилия *нашего* отца... Имена, которые мать дала нам при рождении, потому что мы были похожи... Но как это возможно? Как? Почему?

— Так у него еще и душа кровавая прям, будто кровь! Яркая, как артериальная! Самая светлая душа в Хирводе! Видимо из-за... Рег? Ты какой-то бледный? Все хорошо? — обеспокоенно спрашивает меня Алалия, а я не выдерживаю и сказав:

— Тошнит. — просто убегаю в туалет. А там, закрывшись спускаюсь по стене на пол. В глазах темнеет, воздуха катастрофически мало. Тело дрожит, а из широко распахнутых не верящих глаз, начинают течь слезы.

Рей, что ты наделал, *братец?*

Глава 6.

Переодевшись в черные скинии джинсы, бежевый боди с длинным рукавом, но с приличным декольте, и поменяв каблуки на простенькие черные полусапожки, я накидываю все то же пальто. Напоследок не забываю брызнуть духами с начальным ароматом морской соли, мяты и бергамота, которые постепенно переходят в шалфей и мускус. Макияж тоже немного меняю: повторно подвожу слизистую глаза черным карандашом и подкрашиваю губы темно-красной помадой.

Выскользнув из своей комнаты, проделываю тот же путь, что и всегда.

Как же тут хорошо. Гораздо спокойнее и гармоничнее. Легче дышится даже. По Земле я гуляю уже около часа. И совсем скоро должен будет прийти тот темноволосый парень. Нет, меня не интересует его имя, мне просто интересно пообщаться с ним. С *человеком*. К тому же, благодаря голубоглазому, я узнаю гораздо больше нового о Земле. Ну и соглашусь, что мне нравится то, как он рассуждает. Человек так еще и похожим на мое мнением. Где я еще такого встречу?

Ладно, имя его мне тоже интересно.

И вот я иду по улицам, которые освещают фонари. Из-за них улицы кажутся не такими темными, как есть на самом деле. Тротуар, по которому я медленно шагаю, окружают многоэтажные здания из разного кирпича, но чаще всего эти многоэтажки серые либо рыжие. На перекрестках и поворотах видны то мусорные баки, то группы подростков. Проходя мимо каждой такой толпы, слышатся смех, маты и отрывки каких-либо фраз. Проходя очередную компанию, мне в спину летит от какого-то парнишки:

— Красотка, чего прикрыла прелести? — остановившись и повернув голову совсем немного, чтобы можно было разглядеть боковым зрением кто из детишек конкретно вышел, я вижу парня немного выше меня с огромной копной темных кудрей на голове. Развернувшись полностью к этому щуплому мальчику (а он был действительно щуплым по сравнению даже с моим братом), я лишь начинаю смеяться. Мой смех звонкий и бьет не только по ушам, но и по самоуверенности детей. — И че смешного?

— Твой вид, малыш. — мой смех также резко обрывается, от чего вся толпа вздрагивает. А мой насмешливый взгляд впивается во вроде бы зеленые глаза бэд боя. — Не рановато взрослым тетям про их прелести лепетать? — мой голос глубокий и в этот момент напоминает голос Даррела и мамы. Он завораживает, привлекает и заставляет слушать других. А блеск в моих глазах пугает деток. Представьте холодный взгляд голубых глаз, который пронзает насквозь, а лунный свет, который попадает на перекресток, заполоненный нами, добавляет угрозы моему виду. Говорю же, я могла бы быть идеальным мужчиной!

— А не хочет тетя прикусить язык? — вмешивается в наши гляделки какой-то бугай из их компании. Буквально колобок. Ростом как я, но только в ширину получается три меня. — Он тут в отличие от тебя не один.

— Это угроза, сопляк? — подняв изогнутую бровь, уточняю я.

— Стерва! — да он чуть не булькает!

— Ты не первый кто так меня зовет. Ты смотри, дыши помедленнее, а то сопли вылезут. — отвечаю я.

Это была последняя капля. Мальчуган срывается и кидается в мою сторону. Я же легко увиливаю, сделав шаг влево.

— Все же сопли в глаза попали. — хмыкаю я и на меня опять летит эта фурия. Я увиливаю еще три раза под хохот других подростков. В итоге мне надоедает этот цирк и когда буйвол бежит на меня в шестой раз. Оставшись стоять на месте, даже не дрогнув я заглядываю в глаза бочке-мальчику и шепотом произношу "Стой". И он останавливается. Если вы не знали, то

да, дар внушения остался все также при демонах. Бизон останавливается за два шага до меня. Хохот резко обрывается, и я чувствую спиной напряжение позади себя.

— Успокойся. Я щас развернусь и уйду, а ты врежешь своему дружку придурку за прелести и прочее хамство. Благодарю, заранее. — говорю я это спокойным и ровным тоном. Резко обернувшись, натыкаюсь на взгляд зеленых и непонимающих глаз. — Кудрявый, а ты стоишь на месте, пока тебе в морду не прилетит три удара. Больше он бить не будет. — ухмылка становится все шире. — Хорошего вечера, пупсы! — и отправив воздушный поцелуй, я ухожу, слыша позади крики и вопли, кто-то даже порывается бежать за мной, но и это ему не позволяют. Скрываясь в следующем переулке, я коротаю путь и уже спустя пять минут оказываюсь у входа в парк Святой Евы. Медленно и спокойно я дохожу до знакомых часов и замечаю знакомую фигуру. Обернувшись, голубоглазый красавчик широко улыбается и начинает активно махать рукой в знак приветствия.

— Привет! — он так и светится. Будто к нему снизошёл ангел в золотом обличье, а не демоница.

— Смотри рука отвалится, если так долго ею махать. — ухмыляясь, отвечаю я.

— А здороваться видимо в твоей семье тоже не принято. — голубые глаза закатываются под веко.

— Нет. Просто здравия мало кому желаю. — я подмигиваю и затем разворачиваюсь к парню спиной. — Идем?

— Идем, Ада. — вздыхает он.

— Очень рада, что ты запомнил мое имя.

— Как такое редкое и красивое имя можно забыть?

— Серьезно? Флирт? Лучше молчи и не позорься.

— А что так грубо? — его густые темные брови взлетают чуть ли не до корней волос.

— Не хочешь рассказать, как тебя матушка зовет? — хмыкнув, спрашиваю я.

— Кто учил тебя менять темы разговоров? — он строит испуганное лицо. — Неужели тоже отец?

— Зеркало. Ну так что? Иначе я буду продолжать звать тебя голубоглазым парнем в своих мыслях.

— Уж лучше так, чем по имени. — раздраженно хмыкает он.

— Ого! Да кто-то не любит свое имя!

— Вот насчет этого идет война. Вот тут. — и он указательным пальцем тыкает в висок. — Оно одновременно красивое, интересное и даже редкое. Но одновременно ужасно популярное среди девушек и девчонок-подростков.

— Давай говори, мне жутко интересно. — говорю я, глядя на него горящим взглядом. — Лучше скажи сам, иначе я...

— Будешь пытать? — усмехаясь, спрашивает парень.

— Нет. Я сделаю вот так. — и поймав его взгляд, я сосредоточенно смотрю в его зрачки. Их темнота затягивает и пропускает меня в разум, который я мгновенно беру в оковы. И даже завораживающий ледяной оттенок радужки не останавливает меня. Чувствуя что-то странное, темноволосый незнакомец пытается отвернуться, но я тут же хватаю его за подбородок и удерживаю. — Так как же тебя звать? — моя ухмылка превращается в оскал, а вот глаза начинают немного отсвечивать, создавая еле заметное нежно-голубое сияние.

— Меня зовут... — его губы медленно размыкаются и хриплый голос заставляет мое сердце дрожать. — Деймон.

После услышанного, я отпускаю *Деймона* и начинаю очень громко хохотать.

Опешив и возвращая контроль над своим разумом Деймон, встряхивает головой и несколько раз моргает, прежде чем уставиться на меня своими испуганными и шокированными ледяными глазками. А я все продолжаю смеяться, сгибаясь пополам.

— СЕРЬЕЗНО?! — задыхаясь выкрикиваю я, и продолжаю смеяться еще минуты три, прежде чем чуть ли не доползаю до ближайшей лавочки и начинаю успокаиваться. Восстановив дыхание, я насмешливо смотрю на *Деймона*.

— Дай угадаю, твоя мама большая фанатка Дневников вампира и Деймона Сальваторе.

— Интересно, как же ты это поняла? — саркастично отвечает Деймон, но взгляд его все такой же непонимающий и удивленный.

— Ну чего ты такой испуганный? — томно спрашиваю я.

— Как ты это сделала?... — бормочет он.

— Что именно? — делая из себя дурочку, спрашиваю я.

— Как ты заставила меня сказать свое имя? — глядя на меня в упор, задает вопрос Деймон.

— Не знаю. Может мои красивые глазки надавили на твою жалость. — я пожимаю плечами, продолжая ухмыляться.

— Ты врешь. — он хмурится, не понимая в чем проблема и что произошло.

— Слушай забудь, а? — откинувшись на спинку лавки, отвечаю я.

— Что это было?

— Я говорю на французском? Хотя да, могу и на нем. Я же сказала забудь.

— Да как можно забыть?! Ты сейчас заставила меня каким-то образом сказать свое имя, которое я не хотел говорить! Как?! — от злости его грудь начинает тяжело вздыматься. И резко в его глазах проблескивает некое понимание. — А-а-а... — тянет он, будто догадавшись. — Ты гипнотизёр?

— А ты стриптизер? Неужели до тебя это так долго доходило? — склонив голову в бок, спокойно вру я.

— Да ну! Круто! Стоп, но в фильмах, чтобы ввести в гипноз нужно провести много махинаций. Например, расслабиться...

— Так ты и был расслаблен. — изогнув бровь, произношу я. — Слушай, будешь надоедать, я заставлю тебя забыть всю эту информацию.

— Гипноз и такое может?! — от удивления он открывает рот.

— Да. Слушай, Дей, а братец твой где?

— На войне. — пожимает тот плечами, как ни в чем не бывало. Видимо это будничный вопрос, раз ответ вылетел автоматически.

— Ого. Так и братец имеется? Он случайно не младше тебя?

— Он случайно старше меня, но случайно он не Стефан. И случайно у моей семьи фамилия не Сальваторе. И случайно я не вампир, которому больше сотни лет.

На последнюю фразу я чуть не отвечаю: Зато я случайно — да. Но вовремя прикусываю язык.

— Ну ты не лишай меня вопросов. А вот в фильме ему было всего лишь больше 170 лет. — вау, я старше самого соблазнительного вампира из киновселенной.

— Я так понимаю ты тоже фанат.

— Да, я тоже считаю Деймона Сальваторе очень сексуальным. И я бы очень хотела увидеть гениальную женщину, которая дала тебе это имя. И как она угадала! Ты ведь действительно очень похож на него!

— Интересно почему! И как так вышло, что мой отец голубоглазый брюнет ростом 188 сантиметров? Даже не знаю.

— ТВОЯ МАМА СПЕЦИАЛЬНО ИСКАЛА МУЖЧИНУ ПОХОЖЕГО НА ДЕЙМОНА?! — моему удивлению нет границ. Его мама просто великий человек!

— Да, настолько чокнулась и помешалась на этом персонаже, что мало того, что нашла мужчину похожего хотя бы чем-то на него, так еще и скандал устроила, будучи беременной,

что ее сына будут звать Деймон и никак иначе! И не дай Бог, мой отец назвал бы меня по-другому. Она угрожала, что сама сменит мне имя.

— Ладно, она гениальная помешанная женщина. Но ей простительно. А вот если бы ты был девочкой? — играя бровями, задаю другой вопрос я.

— То я был бы Кэтрин либо Кэролайн. Потому что у них стальной характер. И есть доля эгоизма.

— Да, меня тоже раздражала Елена весь сериал. — отвечаю я и поднявшись с лавочки, подставляю локоть Деймону. — Сделай так, будь добр.

Кивнув, он выполняет мою просьбу и просунув туда свою руку мы отправились гулять по парку под руку.

— Так, а брат у тебя младший?

— Нет. Ему как раз повезло родиться раньше тупого сериала и от другого мужчины.

— Мужчина тот умер?

— Да. Подстрелили на охоте, и не смогли правильно оказать первую помощь. Умер от потери крови.

— Ужасно. А как его звали? — любопытствую я, Хоть Дей и не знает о моем происхождении, зато я знаю, как отыскать этого человека. Заодно узнаю куда его направили после смерти.

— Алекс. Мама очень его любила по словам окружающих. Страдала полгода. Сидела на его могиле целыми днями, пока мой брат был у бабушек или в садике. Но, как ни странно, она никогда не оставляла Рафаэля одного специально. Если он хотел сам уйти или остаться один, то она спокойно позволяла. И в сад он не ходил после похорон всего лишь три дня, потому что спустя это время он сказал, что хочет к друзьям. Короче, Рафа она пыталась поддержать, хотя сама была сломлена. Ну, а спустя полтора года мама встретила моего отца. Который заменил Рафу родного папу и подарил ему младшего брата. — Деймон рассказывает это все очень быстро и из-за этого непонятно.

— Стой. Я запуталась. То есть, мама сильный человек. Она не оставила своего сына, хотя сама буквально проживала всю ту же боль, что и он. Спустя полгода она восстановилась?

— Да. Она стала приходить в себя. Нашла другую работу и переехала в другой дом, потому что в старом Рафу стали сниться кошмары. И Рафаэль сам был рад оттуда уехать. Полтора года им хватило, чтобы вспоминать об Алексе с улыбкой на лице, а не со слезами и истерикой. Ну потом сериал, мой отец и я.

— Рафаэль был рад брату?

— Он сиял, по словам самого брата. Мама говорит, что он был невероятно счастлив. Папа же рассказывает, как мелкий Раф приходил к нему и просил брата. Просил у отца, потому что так ему сказала мама, когда тот пришел к ней с этой же просьбой. И что всю беременность он активно помогал готовиться к появлению младшего брата. В общем, по большей части я появился благодаря своему старшему брату.

— Это так мило. Ну а как он оказался на войне?

— Пришел с армии. Несколько лет сидел дома, работал, помогал дома и зависал в спортзале. Началась война и спустя год ему пришла повестка. Он с гордостью ушел. Жив, здоров. Каждые полгода приезжает домой.

— Ты любишь его?

— Естественно. Только при нем нельзя такое спрашивать. И говорить тоже. Мы до сих пор играем роль капризных детей.

— И давно?

— С лет 16-17. А так, все детство мы были не разлей вода. И относились бережно. Ну а в лет 16 у нас появился прикол то, драться в шутку, то спорить и так далее. Ну короче все как у всех. А у тебя есть брат или сестра? — спустя несколько минут молчания спрашивает Дей.

— Да. И сестра, и брат. Я везунчик.

— Да ладно. Прикольно. Младшие?

— Брат — старший. Сестра на 11 минут младше. — улыбаясь, отвечаю я.

— Что-о-о? У тебя сестра-близнец?! — мне очень нравится, как этот мальчик удивляется, смешно открывая рот и поднимая брови.

— Неужели это так необычно?

— Да. Ты первая знакомая, имеющая близняшку.

—На самом деле мы бракованные близняшки.

— Это как?

— Мы разные. Хотя черты лица и телосложение у нас похожи. Но вот волосы, глаза и даже цвет кожи у нас разные.

— В смысле? То есть...

— То есть я брюнетка с голубыми глазами и оливковой кожей, а она русая с карими глазами и молочной кожей. И цвет кр... — тут я обрываю себя и из-за этого начинаю кашлять. Остановившись, Деймону я жестом показываю, что со мной все в порядке. Откашлявшись, мы продолжаем гулять. — Все в порядке. Просто воздух не в то горло попал.

— Ясно. Так вы вообще не близняшки получается.

— Потому что мы двойняшки, а не близняшки, Дей. Это разные понятия.

— Близняшки — когда вы идентичны друг другу, а двойняшки — когда вы очень похожи внешне, но не одинаковы? — изогнув бровь, спрашивает он.

— Ну если объяснять ребенку, то да. А так... Скажи честно, ты биологию часто прогуливал?

— Да.

— Оно и видно. Близнецы — это одна яйцеклетка, которая потом делится на две части. И да, тогда дети и правда будут одинаковые. А двойняшки — это две разные яйцеклетки, которые просто вдвоем развиваются в животе у матери. И они могут родиться разными, как мы.

— Емае. Как сложно. Короче моя версия более понятная.

— Ага. И очень детская.

— Не важно-о-о-о. Мне теперь очень интересно увидеть вас двоих вместе.

— Это невозможно. — резко отрезаю я.

— Почему?

— Она живет в другом городе. Но поверь, глядя на нас ты сможешь обнаружить схожие черты. Мы даже с Даррелом похожи. Хотя он нас старше на два года.

— Даррел... Это кто? — изогнув бровь, вопросительно смотрит на меня.

— Брат. Старший, как ты мог понять. — улыбаясь, отвечаю я.

— Ага... — глядя на него, можно понять, что Деймон загружает новые данные в свой мозг. — И сколько вас в семье? — спустя какое-то время задаёт он вопрос.

— Детей? Трое. Даррел и мы с Раей.

Тут Деймон начинает ржать как конь, по-другому не скажешь. Но на удивление смех-то его приятный и заразительный, поэтому я невольно тоже начинаю смеяться. Но так как я не понимаю из-за чего его понесло, то глядя на меня можно подумать, что у меня судороги. А улыбка — это начало сумасшествия. Минуты три мы так стоим и хохочем (ну он ржет, а я дергаюсь), а затем я все же успокаиваю себя и устремляю свой озадаченный взгляд на него сложа руки на груди. Он замечает это, с трудом перестает издавать звуки подстреленного коня, и с приступами смеха пытается стать серьезным. Ему это плохо удается, и поэтому я беру инициативу на себя:

— С чего ты ржешь? — прямо задаю вопрос, от чего этого чертя начинает разрывать от смеха по второму кругу. — АЛЕ!! — гаркнув на него, я еще добавляю ему подзатыльник.

— Эу! Дамочка! Без рукоприкладства! — подняв руки в качестве защиты, произносит он. — Серьезно?! Ты угорала с моего имени, но при этом твою сестру двойняшку зовут Рая,

а тебя АДА?! — приступы смеха не прекращаются, поэтому мне приходится собирать одно целое предложение из отрывков, которые он смог выговорить. — СЕРЬЕЗНО?!

— Ты больной? — глядя на него, как на умалишенного, спрашиваю я.

— Я?! Так еще и брата зовут Даррел! — он снова начинает хохотать. Это продолжается еще минут семь, прежде чем он начинает успокаиваться. Когда рак уже двадцать раз просвистел на горе, он (наконец-то) становится адекватным.

— Итак, ладно еще я и Рая. Да наши родители тоже отличные юмористы. Не безбашенные фанатики сериала, но все же. Но Даррел чем тебя рассмешил?

— Да нет, твои родители видимо фанаты библии... У тебя дедушка случайно не Иисус?

— Неа. Дядя, а дед — Бог. — на серьезе отвечаю я, отчего Деймон сначала начинает смеяться, а заметив, что я все еще стою с серьезной мордой, впадает в ступор.

— Почему это звучит так серьезно? Настолько верующая?

— Может, потому что я сейчас сказала правду?

Ада, закрой свой рот. Ты с ним видишься второй раз в жизни, которая у тебя не маленькая и то, по большой случайности. А уже решила рассказать о членах своей семьи всю правду?!

Лицо Деймона становится испуганным. Видимо думает, что псих.

— У тебя нет никаких заболеваний? — спрашивает он.

— Нет. Просто юмор от родителей достался. Я пошутила, можешь посмеяться. — все также серьезно говорю я. — И нет мои родители не фанаты библии, а точнее они ее даже не читали. Но при этом считают, что большая часть библии — ложь. Так что с Даррелом.

Недоверчиво прищурившись, Деймон хмыкает. Затем его улыбка возвращается и он отвечает:

— Рай и Ад, и они даруют нам выбор. — отвечает он. — Дар — типа грань между ними.

— Это ты только что выдумал?

— Неа, я всегда так считал.

— Ну допустим. Правда, я не понимаю как Ад и Рай даруют выбор, но дар — грань между ними. Может дар — то, что было создано благодаря этим двум сторонам?

Деймон призадумался, будто сначала не понял, о чем я. А затем он закатывает глаза и смотрит на меня взглядом "Отвянь":

— Вот обязательно умничать?

— Если это так бьет по твоей самооценке, то могу добавить. — пожимаю я плечами как ни в чем не бывало.

— Нет, спасибо. — Деймон складывает руки на груди и делает вид будто обиделся. В завершение он надувает губы, как маленький ребенок и я начинаю смеяться.

Глава 7.

В час ночи я попадаю в свою комнату.

После того странного и опасного разговора с Деймоном мы просто гуляли по парку.

Деймон рассказывал про своего брата. Рафаэль. Говорил, как скучает по нему и ждет его приезда.

Наше детство значительно отличается. Мы с Раей всегда были как подруги. Хотя и выглядели как самые заклятые ваги. А Даррел всегда был с нами. Защищал, следил, заботился о нас. И по сей день это все продолжается.

Детство двух братьев совсем другое.

Рассказывая о своем брате, глаза Деймона все равно зажигались теплом... Даже если рассказ был про драку.

Я переодеваюсь в нежно-розовую тонкую пижаму. Ложусь на мягкую кровать и сразу же проваливаюсь в сон.

***

Он не мог уснуть. Весь оставшийся день он провел в своих мыслях.

Когда его подруга ушла, то в его квартире почти не осталось ничего целого. Все летело в стену и разбивалось в дребезги. Даже его сердце. Он не испытывал такого отчаяния даже когда сам умер. Никогда ему не было так больно, как в этот день. Слезы душили его, он задыхался, падал на пол и бил кулаками и даже головой. Он дергался как ненормальный, дрожал и со всей дури крутил головой из стороны в сторону, лишь бы забыть этот день. Лишь бы никогда не знать, что его брата больше нет. И что его брат прожил всю жизнь в роли *убийцы*.

И вот только ночью он смог успокоить свое тело. Он потерял чувства и силы. На долго ли? Пока еще сам не знает. Весь день ему было так плохо, что к ночи он исчерпал все нервы, силы и здоровую психику. Но мысли никуда не исчезли. Сейчас, лежа посреди кухни на полу, в его голове пролетал рой мыслей. И самая навязчивая была: Как спасти брата?

Он одновременно понимал, что никак не должен в это влезать. Не должен ничего предпринимать. Он должен это принять и проститься. Но одновременно ему хотелось вернуть брата в мир живых или хотя бы высвободить из проклятого шара. Пусть он будет демоном, чертём, рабом. Кем угодно, но не заточенным в шаре. Поэтому Рег продумывал план, который не принесет ничего светлого.

Две личности боролись в нем.

А вот Рей после потери брата не задумывался. Он сразу принял ту сторону, которая будет замораживать его боль.

А для Рега это означало потерять все светлое, что было в нем. Все то, из чего он состоял. Он никогда не делал ничего плохого и даже мысли не допускал. Этому по сей день удивляются и демоны, и ангелы.

И вот, в половину четвертого утра, он выходит из квартиры и направляется прямо в Хранитель Душ.

Как удачно, ведь сегодня его смена по дежурству. Еще и дежурство в Хирводе. Соблазн растет.

— Доброе. — произносит Рег, зевая.

— Доброе утро, Рег. — улыбается ему женщина, которая следит за приходящими в Хранитель Душ. И которая проверяет также специальные карты-пропуска. Ей также нравится Рег, как человек. Он всегда веселый, добрый и справедливый. Никогда не бывает в плохом настроении. Поэтому у нее к нему просыпается бабушкин инстинкт. — Сегодня ты сонный. И синяки под глазами ужасные. Ночью плохо спал? — в ее глазах читается беспокойство.

— Да. У соседей был скандал. — отвечает Рег. Скандал действительно был, но не такой громкий, чтобы мешать спать. Но об этом он упоминать не стал.

— Еще и перед дежурством не выспался... Бедный. Удачи. Эндрю уже тебя ждет! — выкрикивает женщина уже в спину уходящему Регу.

— Доброе утро, Эндрю. — произносит с натянутой улыбкой Рег. Вот только улыбка выглядит реалистичной. Особенно для Эндрю, который дежурил целые сутки и с трудом держит свои глаза открытыми.

— Ужасное... — зевает Эндрю. — Как можно быть счастливым в четыре утра... — бормочет.

Маска Рега слетает в ту же секунду, поэтому он резко отворачивается от Эндрю. Тот ничего не заметил. Он даже не подозревает насколько ему *весело*было всю ночь.

— А чего унывать? — хрипло произносит Рег, молясь про себя, чтобы собеседник отстал от него и ушел ничего не заподозрив. — Новый день — новые возможности и моменты.

— Это точно не оптимистично для того, кто валится с ног от недосыпа. — вновь зевок. — Посмотрим на тебя завтра. Удачи. — после этого он уходит с поста.

Рег же проходит в маленькую коморку для охраны, чтобы оставить сумку с едой и выпить стакан воды. После он надевает специальное рабочее кимоно белого цвета с золотистыми каемочками – признак высшего общества. На пояс крепит мешочек с порошком, который может усыпить нежеланного гостя. И берет оружие – алебарду, тоже светлого цвета под цвет кимоно. Херувим.

Выйдя из коморки и заняв свое место возле входа, он вновь погружается в пучину мыслей о своем брате. И каждый раз возвращается к вопросу «Как вытащить Рея?». Разум пытается донести, что за такие мысли следует наказание, и лучше даже не пытаться искать его душу. Но разве сердцу можно отказать, когда за всю свою жизнь оно ни разу не шло на поводу у горя? Можно, но сложно.

P.s.: внутренний диалог Рега.

**— Я должен его спасти…*

— Нет.

— Должен, это из-за меня все…

— Из-за Мэтта.

— Моя смерть сломала брата…

— Он сам выбрал этот путь заглушения боли.

— Если бы я тогда нашел общий язык с Мэттом…

— Не нашел бы, он мерзкий тип и душа его гнила.

— Это я его довел…

— Он сам себя довел.

— Если бы не я…

— То он все равно мог к этому прийти.

— Он бы спас меня, будь в этой ситуации…

— Но он не оказался в этой ситуации. И он не изменится.

— Он изменится, если узнает, что я в порядке…

— Нет! У него уже азарт на убийства!

— Он всегда слышал меня…

— Будучи ребенком много лет назад. Он прожил свою жизнь без тебя.

— Он послушает и сейчас!

— Нет, он решит, что ты его шизофрения.

— Нет, его душа такая же, как и моя! Одна кровь!

— Но его душа сгнила еще в детстве. Вы разные. Вы больше не те братья.

— Он мой брат!

— Ему уже плевать.

— Моя семья!

— Твоя семья горюет от потери последнего сына и от ужаса, который вызвал твой «брат».

— Мой род!

— Твой род в Раю, где за такие мысли отправят к Сатане!

— Брат за брата!

— Именно, но его уже нет, и он сам пришел сюда. Сам довел себя.

*— НЕТ!**

На этом Рег разворачивается к стене, сжимая ладонь в кулак и замахивается. Но в последнюю секунду останавливается. Что он скажет другим, если они увидят его разбитые костяшки? Особенно после того, что он собирается сделать.

От напряжения у него вздуваются вены, по лбу стекает пот, а руки сжались в кулаки и его тело требует выплеска эмоций. Он готов исколотить все что попадется на глаза.

Пытаясь успокоиться, он начинает выравнивать дыхание. Не помогает.

В следующую минуту он был уже внутри Хирвода.

Он искал кровавый шар. Он уверенно шел в раздел «Ф», ведь их фамилия Фостер. Искать долго не пришлось. Душа брата действительно была самой яркой из всех не только по цвету, но и по сиянию исходящему от стеклянного шара. Оно будто кричит о своем нахождении. Рег останавливается напротив отсека **97.**Его рука сама тянется к люмен-стеклу. И только в последний миг он ее отдергивает и начинает оглядываться по сторонам. Хотя прекрасно знает, что ему доверяют так же как и всем, кто служит в Душе Хранителе.

Страх. Если кто-то заприметит его стоящего напротив самого страшного убийцы, то что он сможет сказать?

****Я так, своими глазами пришел убедиться, что душа маньяка в заточении? Кстати, это мой брат.****

В моменте он слышит чьи-то шаги, поэтому в доли секунды выбегает из Хирвода. Стоит тяжело дыша, пока внутри все сжимается от страха.

— Здравствуй, Рег! — улыбаясь во все зубы говорит Ада.

****А тебя какой черт сюда прислал?! Мне конец!****

— Доброе утро. — произносит дрожащим голосом Рег.

— Ты чего такой дрожащий? — изогнув тонкую бровь, спрашивает Ада. Она, как всегда, одета с иголочки: приталенная черная рубашка на завязках, черные брюки клёш, лаковые каблуки и кожаный плащ с красной подкладкой. Волосы распущены, губы алые, как душа брата и пронзительные голубые глаза. Та самая девушка, которая «унизила» Алалию по ее же мнению. Девушка с сильным характером. Интересно какого цвета будет ее душа?

— Плохо чувствую себя. — спустя минуту раздумий, отвечает Рег. Он попал.

— Заболел? — во взгляде Ады мелькает что-то презрительное.

— Не совсем. Соседи всю ночь ругались. Голова теперь трещит. — и как это слетает с его губ, но и сам не понимает. Но на удивление в это верит даже Ада.

— Ужас. А чего к кому-нибудь из мед персонала не обратился? Они бы тебе помогли.

— Да надеюсь, что боль утихнет.

— Странный ты. Даже я себя бы болью не стала мучать.

— Какой есть. Так, а ты какими судьбами? — аккуратно переводит тему Рег.

— Отец послал узнать номер отсека новой души, взять Аналитическую справку грехов.

Рег вздрагивает. Брат.

— Для чего? — непонимающе спрашивает он.

— Новая душа. Опасная душа. Отец такое любит, и ему интересно узнать его родословную. Мало ли там одни убийцы. Ну и чтобы сделать копии, и оставить их в нашем архиве греш-

ных. Чтобы в случае чего не лететь сломя голову с запросом в Прием смерти. Тем более, что с наибольшей вероятностью туда он отправлять будет меня. Короче, для развлечения папулика.

От формы слова «папулик» Рег вновь вздрагивает. Ему сложно воспринимать Сатану, как любящего отца.

— Так а номер ты узнала? — играть роль ничего не знающего для Рега, тоже не просто. Он не привык лгать.

— Сказали у тебя уточнить.

— В честь чего это? — Рег прячет руки за спину, начиная их заламывать, что не очень удобно из-за алебарды.

— Шучу. Где наш вечно веселый Рег? Неужели голове действительно настолько плохо?

— Да. Даже думается плохо. — врет он.

— Все же загляни в мед персонал. Или вам нельзя? Могу позвать, если нужно.

— Все в порядке. Не будь как Алалия. Из мухи трагедия. — устало отвечает Рег.

— Кстати, передай ей, что я за письма моему брату ей голову откручу в следующий раз. — в миг глаза Ады вспыхивают, а губы сжимаются от напряжения.

— Каких писем? — непонимающе хмурится Рег.

— Обыкновенные. Видите ли Рая ее отстранила, опозорила бедную, и она решила написать целых два письма с обвинениями ДАРРЕЛА! Даже не Раю обвинила! Еще и такой грязью его облила, что даже я за свою жизнь столько не наговорила!

— Понял-понял! — подняв руки в знак капитуляции, произносит Рег, так как с каждым словом глаза Ады становятся все ярче и опаснее. — Успокойся, я все передам и даже проведу беседу. Только не начинай тут все громить. — уже смеясь заканчивает он.

Ада же сразу понимает, что произошло и глубоко вдохнув, и выдохнув, спокойно продолжает:

— Прости. Я очень зла. Надеюсь, ты ее образумишь. Так, а теперь вернемся к делу. Номер отсека 97. А вот насчет справок и прочих документов, ты не знаешь когда они будут готовы? Просто за стойкой женщина сказала, что только сегодня заступила и без понятия, когда и что будет готово.

— Скорее всего завтра утром, часов в одиннадцать. Но не точно. Обычно двух полноценных дней хватает, чтобы собрать полноценную историю умершего.

— Ладно, спасибо. Еще, у вас тут должна быть папка с основной информацией о душе. Потому что Эндрю ее выдали, но он забыл ее унести на ресепшен, и оставил у вас где-то.

Рега бросает в холод. Справка? Нужно действовать, пока…

— Серьезно? Сейчас посмотрю.

После этого он входит в коморку. На столе действительно находит голубую папку, и открыв ее видит сведения о брате: имя, фамилию, возраст, профессию, сведению о местах учебы, положение в семье, рост и прочее. База.

На вряд ли, конечно, Сатана будет знать, что это родной брат Рега. Но не факт, что он не смотрел карточку Рега, после его смерти.

Неожиданно, взгляд Рега останавливается на числах.

19910921

Его вновь бросает в дрожь. Судорожно Рег шепчет эти числа, зная, что это. Ему не нужно запоминать их, он всю жизнь будет помнить эти числа. Захлопнув папку, он делает глубокий вдох, выравнивая дыхание.

Успокоившись, он берет эту папку и выходит из коморки.

— Там только эта. — протягивая Аде папку, произносит он.

— Ну значит точно она. — открыв она пробегается взглядом по всей информации. — Рей Форест. Из приличной семьи, и как же сильно сломало его горе. — безразлично проговаривает Ада, не зная, что от ее слов сердце Рега сжимается и истекает кровью от боли. — Дей-

ствительно, убил 207 человек. Но Рая твердит, что их точно 209. Странно… Ладушки, потом разберемся. Я побежала, а тебе удачи в выживании!

— Спасибо. Тебе тоже хорошего дня!

— Благодарю! — сказав это, она разворачивается и цокая каблуками скрывается за поворотом в конце коридора.

Легче Регу не становится. Его начинает трясти и дыхание становится прерывистым. Он понимает, что скорее всего уже завтра все узнают, что Рей брат такого ангела как Рег. И наступит либо конец карьере Рега, либо окружение отвернется от него. В любом случае ему конец. Поэтому он решает действовать.

Глава 8.

Никогда не понимала радости от новой души. А вот мой отец ярый фанатик. У нас отдельная комната с табличкой «АРХИВ САТАНЫ». Особенный интерес у него вызывают девушки. И нет, не со стороны похоти или еще чего плохого. Наоборот. Он будто ищет определенную. Внимательно читает информацию о ней, высчитывает возраст, ищет ее душу и узнает ее цвет. Только с недавних пор он стал обращать должное внимание и на парней. Но сегодня его внимание привлек известный маньяк, из-за которого Рая выиграла и отстранила от работы Алалию. Та еще стерва, но при виде меня начинает дрожать. Прям, как и ее язык за моей спиной.

Тем не менее, я лечу домой счастливая и в буквальном и переносном смысле окрыленная. Такое настроение у меня осталось с ночи. Мне все больше нравится этот парень! Не думайте, что в романтичном смысле. У него прекрасный юмор, и не менее впечатляющее прошлое. Кстати, утром я успела навести справки на Алекса. Точнее попыталась. Необходимо узнать фамилию Деймона, хотя желательно фамилию его брата.

Еще я в отличном настроении, потому что ночью меня встретил и провел в покои Адольф, мы с ним мило побеседовали перед сном, и я узнала, что Рая и Даррел уснули несколько часов назад. Камень упал с плеч. Значит сегодня они не беспокоились. Еще я узнала, что отец вообще снял охрану с моих покоев. Но Адольф решил, что все равно будет настороже, за что я ему благодарна.

И плюс отличная новость, которую Рая рассказала мне и всей семье утром за завтраком. Маньяка казнили, а значит у нас будет меньше суматохи с новыми душами. Единственное, что мне жаль его по-человечески. Он потерял брата. Младшего брата. Я не могу представить, что бы я делала, если бы с Даррелом случилось что-нибудь или не дай Дедуля, с Раей! Не знаю, насколько бы я одичала или сломилась бы. Не факт, что я бы не ожесточилась как этот Рей. Поэтому по-человечески мне действительно его жаль, он не смог справиться с внутренней болью. Но я не поддерживаю способ заглушения этой боли.

Приземлившись у врат дворца, я складываю крылья, но не прячу их, как делаю, будучи на Земле. Здесь все свои и все видели множество раз мои крылья, как и я их. В этом плюсы параллельного мира.

Мои крылья сами по себе черные словно вороново крыло, не отличишь особенно в тени. Но стоит попасть капли света, как они начинают переливаться перламутровым красным оттенком. У всех пернатых крылья имеют перламутровый оттенок, но у каждого свой.

Я прохожу охрану, мило им улыбаясь. Они же с легкими улыбками пропускают меня без вопросов. Естественно, иначе *их* больше сюда не пустят. Нигде не останавливаясь, я целенаправленно иду к кабинету отца под голодную мелодию живота. Уже близится обед, а я до сих пор нормально не ела, лишь ухватила на завтраке пару бутербродов, потому что: "***Ада, мне СРОЧНО, ПО ЗАРЕЗ нужна информация об этом чудище!***"

Ну а Ада, как верный пес уже летит стрем глав за буквами на листке бумаги. Так еще и за 3/9 земель. Что-что? Завтрак? Нет, не слышали. Сначала набраться сил, а потом дела? Что вы такое щебечете? На голодный желудок - грех?! Да там, где вы это сказали, мы придумывали слово "грех".

Внезапно, мой мозг подкидывает усталый вид Рега. Хороший парень, но сегодня очень странный.

Пока я думаю над странностями того, кто мне нигде не жужжал, вдруг на лестнице встречаю... Его Величество! Собственной персоной - главный Цербер всех миров! Правда, Властелин грехов и похоти чего-то хмурый, задумчивый. Стоит и с умным видом что-то читает (это я поняла по очкам на его носу). То ли грустит, что на руках еще не держал информацию о новой душеньке, то ли чем-то занят. Да принципе, нас особо это никогда и не волновало...

— Ба-а-атю-юшка-а страна! Черная головушка! Для других ты самый главный враг, для меня ты папочка! — решила я зачем-то спеть, хотя красивым голосом меня отец как раз не наградил. Ну вот пусть и мучается за свои ошибки. Но мое пение испугало даже самого Люцифера! Он с огромными глазами подпрыгнул и чуть кувырком не покатился с этих ступенек. Как минимум листы, которые он до этого держал в руках, отправились в дальний полет, видимо в холодные страны.

— Твою мать! — разнесся по винтовой лестнице и принципе коридорам и холлу, ошарашенный голос отца. И более того, он даже крылья почти расправил. Но вдруг увидел меня. — Ты совсем ёбнулась?!

Ну вот. А говорят пение завораживает, особенное женское.

— Я ему песню придумала, подарила считай! Спела! А взамен лишь оскорбления. — театрально вздохнула я. — Вот так вам и пой.

— Блядь, История Фараона! — вновь восклицает отец и начинает в спешке собирать то, что разлетелось. — Господи! Да не дай Бог, если б я человеком был, то уже давным-давно бы тут оказался с такой дочерью!

Пока он возмущался, к нам прибежали охрана, Даррел и даже мама! От собственной дочери видимо спасать.

— Что произошло?! — в волнении и с испуганным видом, спрашивает сама Весперия! — Ада? С тобой все в порядке? А с папой? Что было? Упал кто-то? Напали?

Ну завелась шарманка под именем — мы все умрем!

— Мамочка, все в порядке! Просто папе настолько понравилось мое пение, что он решил вместо фейерверка запустить Историю Фараона! — улыбаясь, успокаиваю маму. Она сразу понимает, что паника напрасна, и облегченно выдыхает. А вот Дар, все также в недоумении, как и охрана. И если вторых мама сразу отпускает, то первый растеряно чешет череп.

— А зачем Историю Фараона? — спрашивает он.

— Сынок, ты вроде умный, но иногда такой болван оказываешься. — разгибаясь, отвечает отец. — Эта Чучундра, решила меня до инфаркта довести! — хмуро глядя на меня, договаривает он.

— Не было такого! — возмущаюсь я, и протягиваю документ с информацией о Рее Форесте. — И вообще! Я тут концерт исполнила бесплатно! Не порядок.

Мама не выдерживает и начинает хохотать, вслед за ней начинаю ржать как конь и я. Папа же, увидев, *что* я принесла просиял.

— Ты как это вообще достала? — радостно спросил он, позабыв о Фараоне. — Я же пошутил!

— ТЫ СЕРЬЕЗНО?! ТО ЕСТЬ Я МОГЛА НОРМАЛЬНО ПОЕСТЬ?! — подавившись воздухом, начинаю возмущаться я.

***

— Вкусно? — спрашивает Дар, сидя напротив меня в моей спальне, пока я довольная сижу и уплетаю за обе щеки Цезарь, вареную картошечку, бутерброды с колбасой, очень сильно прожаренной говядиной (как я люблю) и запиваю все апельсиновым соком. Ну и на десерт мне Дар принес круасан со сгущенкой. Идеальный обед!

— Ететвенно! — жуя, отвечаю я.

— М-да. На Земле тебя ни одна семья не прокормит! Так еще и мужики все поубегали бы.

Я лишь закатываю глаза:

— Как прекрасно, что я рождена роскошной демоницей в семье Сатаны, где голодом не морят. Да и где ты видел, чтобы демоницы или ангелы ели как воробушки?

— Тоже, верно. Какие планы на сегодня? — вдруг спрашивает он.

— Хм-м-м. — делаю задумчивое лицо. — Наверное... Ладно, пока не решила. — признаюсь я.

— А ночью? — пристально глядя на меня, задает еще один вопрос Даррел.

— А ночь я предпочитаю оставить стабильной. — хмыкаю я. — А ты? Может остаток дня проведем вместе?

— Кто он? — серьезно спрашивает брат.

— Кто? — непонимающе смотрю я.

— К кому ты летаешь? И как давно?

— Даррел, почему тебя это так... волнует? — все также непонимающе смотрю я.

— Что ты скрываешь? — взгляд брата очень серьезный.

— Дар, о ком ты? Можешь объяснить, что происходит?

Он делает глубокий вдох. Затем смотрит куда угодно, но только не на меня.

— Дар?

— Я переживаю за тебя. У меня очень плохое предчувствие. Мне приснился сон, где вокруг тебя пламя. Ты отчаянно пытаешься выбраться из этого круга ада. Но твои крылья опалены. Вокруг люди, которые пытается убить тебя и не позволяют выбраться. Где я, Рая, отец и другие, я не знаю. Но был один парень там... Который прыгал вокруг пламени снаружи от тебя. Но я так и не понял: он пытался тебя спасти или наоборот...

Рассказ дается Дару очень тяжело, в уголках глаз появляется влага из-за чего он не поднимает взгляд.

— Дар, это всего лишь сон. Кошмар. На Земле я познакомилась с одним парнем...

И я рассказываю ему о Деймоне. О том, что он кажется хорошим и я не чувствую подвоха с его стороны. Хотя чуйка у меня не плохая. Рассказываю ему даже о том, с каким теплом Деймон говорит о совей семье и что я также не раз упоминала о Рае и Даре. Единственное, о чем я не говорю: имени Дея и о своей шалости с внушением.

— Точно все хорошо? Просто я пришел к Рае... И она также переживает о тебе. Ей тоже снятся кошмары с твоим участием. И она также, как и я видит рядом с тобой темноволосого парня. А в последний раз кто-то пырнул тебя копьем... Проблема в том, что никто из нас не может понять, что значат эти сны, и кто находится рядом с тобой. Просто.. Обещай, что в случае чего ты нам все расскажешь. И... Можешь то же самое рассказать и Рае?

— Даррел, я сразу обращусь к вам. Что за глупая просьба? Вы первые к кому я обращаюсь. И я не позволю никому себя обидеть. Да и кто-кто, а я 100% выживу. — я подмигиваю ему. — А насчет Раи.. Как вам идея устроить ночью... Не помню, как люди это называют. Короче поговорим по душам? Я прилечу часа в 2-3 по человеческому времени.

Даррел кивает и улыбка трогает его губы.

— Я передам Рае. — и он встает с кровати. Но я быстро ловлю его за руку и заглянув в глаза:

— Я люблю вас. — обнимаю его.

***

Рег наблюдает, как солнце исчезает за гранью Небес, и как сверху постепенно выползает луна. И нервно выдохнув, осознает, что около минуты не дышал.

В голове пролетает фраза:

"Последний шанс остановиться. Он ведь сам сделал такой выбор..."

На этом его адекватность заканчивается.

Он выходит из своей коморки и воровато огладывается. Никого нет. За спиной у него алебарда, а в руках мешок из кольчуги, на дне которого лежит что-то очень мягкое и пушистое, что людской народ зовет ватой, а небесный — сил. Некоторые называют марсел де сил (*Кусочек неба*). *Люди*, знающие французский сразу скажут, что это название банально. Думаете кому-то не впадлу придумывать что-то не банальное?

Рег направляется в Хирвод. Он тихо крадется, словно мышь. Про себя он радуется, что именно сегодня его дежурство выпало в Хирводе. И никто ведь не подумает на него. Наверно. Что он будет делать в случае неудачи? Будет умолять Сатану его казнить.

Оказавшись в люменарии, он даже сам не осознает, как оказывается возле нужного отсека. Вводит пароль и протягивает трясущуюся от страха руку в люмен-стекло, молясь, чтобы все было верно. Боясь, что сейчас его кто-нибудь найдет и с поличным отправит к Сатане.

Стекло растворяется, и не веря в это, Рег аккуратно, даже можно сказать, нежно берет кровавый стеклянный шар и завороженно смотрит на него. Буря, происходящая в этом шаре, гипнотизирует. Даже странно, что такой ураган удерживает тоненькое стекло. Спустя минуту Рег вздрагивает и часто моргает. Ему показалось, будто шар ему демонически улыбнулся. Спохватившись, он кладет этот шар в мешок и прячет под кимоно. Расслабленной подходкой он выходит из Люминария и возвращается в коморку. Все это время его внутренний мир дрожит, все внутренности скручивает, а на спине проступает пот. А оказавшись в коморке, его и вовсе начинает трясти. Что он только что сделал?

Он. Украл. Душу. Своего брата.

УКРАЛ. ИЗ. ХИРВОДА.

Что с ним будет? Над этим он решает подумать позже. Сейчас необходимо дождаться кого-нибудь. Сегодня он намерен совершить то, что никогда не делал. Грех. И не один. Но за один из них он точно будет наказан.

Ждать приходится долго. Из-за чего у Рега начинается лихорадка. Его трясет, пот течет в три ручья. В глазах темнеет и плывет. Прикрыв глаза, в попытке прийти в себя, Рег теряет сознание.

***

Ему снится брат. Он уже взрослый. А вот сам Рег ребенок. Ему снова 6 лет. Он наивный, добрый и доверчивый ребенок. А вот Рей, наоборот, уже мужественный, презрительный, но все еще любящий его. Глаза вроде мудрые, но полны тоски, печали и сожаления. Он смотрит на брата с нежностью. Затем он опускается на колени, чтобы быть на одном уровне с Регом.

Рег не может сдержать эмоций, и по его щекам начинают течь слезы. Он не верит, что его старший брат стоит перед ним. Целый. Добрый. *Живой*. Из-за этого он подходит к нему, протягивает руку к брату. В ответ Рей прижимает младшего к себе. Эти объятья говорят все: как они тоскуют по друг другу; как любят; как ждали встречи; как им *больно*.

Затем Рей отстраняет брата, удерживая при этом его за плечи и заглядывая в такие же, как у него глаза:

— Рег, не стоит. Останься хотя бы ты чистым. Будь тем, кем родители всегда гордились. — хрипло произносит он.

— Я скучаю. — не слыша слов брата, отвечает Рег. — Мне тут тебя не хватает. Не хватает игр, секретов...

— Рег. Не иди за мной. Я пришел к тебе. Я рядом. Оставь, иначе окажешься там же где и я. А тут еще скучнее.

— Где? — озадаченно хлопает глазами младший.

— Здесь. — одной рукой Рей обводит пространство вокруг. И только в этот момент Рег видит ослепляюще белое пространство.

— Где мы? — снова спрашивает Рег.

— Я — твой грех. Оставь меня. — серьезно говорит Рей. Он всегда менял тон, когда брат не слушал его. — Оставь плохое мне.

— Рей, я взрослый! Я... — Рег захлебывается в слезах. Воспоминания, где Рег также ругался с братом и доказывал, что уже взрослый.

— Прекрати. Рег, выпустив меня ты достанешь другого...

Фраза обрывается и Рей исчезает. Он буквально растворяется. Наступает темнота, и все что слышит Рег — всхлипы.

***

Рег вздрагивает. Оглядывает помещение.

Он просто потерял сознание. Но его сон... Был слишком реалистичным. И слова, сказанные братом, были в тему.

Еще Рег чувствует прохладу на щеках. Прикоснувшись к лицу, он понимает, что действительно плакал. Всхлипы в конце сна — это его собственные всхлипы.

До него доносится:

— Очнулся!

От испуга, Рег быстро садится на полу. Тут он осознает, что, даже придя в себя валялся как ненормальный на холодном и грязном полу. Еще реально продует...

— Как ты? Рег, что произошло? — вновь слышит он женский взволнованный голос. Обернувшись, он встречается с испуганным взглядом с Элизабет. Женщина, которая проверяет пропуска.

— Я... — голос Рега хриплый, голова раскалывается.

— Что случилось? На тебя напали? Охрану вызываю? — тараторит женщина.

И тут к Регу приходит мысль. Точнее, сначала срывается ложь, а потом приходит мысль.

— Да. — слабо отвечает он. — Срочно нужно проверить Люменарий...

— Ах! — восклицает женщина и начинает бежать к стойке, но возвращается. — Врачей нужно? Что произошло?!

— ВЫЗЫВАЙ ОХРАНУ! —испуганно орет Рег, из-за чего глаза Элизабет увеличиваются и она вновь бежит к стойке.

Пока её нет, Рег еле встает на ноги, и бегом бежит в Люменарий.

План его таков: сделать вид, что он потерял сознание не из-за страха, а из-за того, что на него напали. Хирвод всегда охранялся слабо. Всегда один охранник, а не два, как в других Люменариях. Кому придет в голову воровать или пробираться к маньякам? Поэтому устроить цирк с нападением — это лучший вариант сейчас. К тому же, из-за падения у Рега появилась огромная шишка около виска и из носа видимо шла кровь, пока он был без сознания, потому что вытирая лицо от слез, он заметил кровь на ладонях.

Долго ждать не пришлось. Спустя несколько минут, когда Рег выбегает из Люменария с ором:

— ДУША ПРОПАЛА! — кричит настолько испугано, что нельзя ему не верить. Если только не знать, что душа находится под его кимоно.

В это время прибегают другие Херувимы, Жнецы и Служебные демоны. Охрана. И в конце этого отряда бежит Элизабет. Её глаза все еще огромные, испуганные.

— Что произошло? — резко спрашивает один из Служебных демонов.

— Из Люменария украли душу! — взволнованно отвечает Рег. — Сюда пришел какой-то парень, я не знаю как он выглядит! Он весь был одет в черное кимоно, или это была накидка! Лицо закрывал капюшон. Он спросил, точно ли он в Хирводе. Я...я... — скороговоркой выпаливает он.

— Потом объяснишь! — воскликнул самый старый на вид Херувим. — Где он?

— Не знаю! Он меня вырубил чем-то!

— Чья душа пропала? — этот вопрос прилетает и Элизабет.

— Последняя... Под номером 97. — хрипло отвечает Рег.

— Как давно это произошло? — на удивление спокойно спрашивает Жнец.

— Не знаю... Я даже не знаю сколько лежал тут...

***

Все заканчивается тем, что весь отряд охраны и других, обходят все Люменарии, расспрашивают других охранников, и в том числе бедную Элизабет, которая никого не видела, потому что в это время читала книгу и уснула. Рег тоже попал под опрос. Но услышав краткую и сбивчивую речь, а еще обратив внимание на его вид, ему было разрешено отправиться домой и назначена явка для показаний на следующий день.

***

Глава 9.

Проснувшись (после ухода брата, я решила полежать на кровати и написать список того, что нужно приобрести на Земле, и уснула) и выйдя из своей комнаты вечером, я услышала взволнованный голос Раи и мамы. Он доносился из комнаты сестры. Спустя минуту вышел из своих покоев Дар. Мы с ним непонимающе переглянулись и встали под дверью Раи. Мама восклицала, что это кошмар, что Люцифер будет в бешенстве и что сегодня лучше всем нам остаться у себя в покоях.

— Конец Света что ли? — шепотом непонимающе возмутился Дар.

— Все возможно. — зевая отвечаю я, и оттолкнув брата, открываю дверь. На нас сразу испуганно оборачиваются мама и Рая. Они буквально застывают на месте и медленно поворачивают головы. Выражения их лиц очень смешное, так как застыли не только позы, но и лица — у мамы открыт рот и округлены глаза, а у Раи сжаты губы и вскинуть брови. Затем они обе облегченно выдыхают, а вот Рая еще и улыбается. Мне и Даррелу совсем не смешно. Мы стоим недовольные. Точнее, Даррел обнимает дверь с такими же ужаснувшимися глазами, как и мама до этого. Он буквально на ней повис, потому что я оттолкнула его, не учтя, что в ту сторону открывается дверь. От моих резких движений запрыгнул на эту дверь. А вот я стою лохматая, широко расставив ноги и сложив руки на груди. Выражение лица сонное и злое. Глядя на нас, мама тоже улыбается.

— Что происходит? — хрипло и зло спрашиваю я.

Вопрос прозвучал достаточно громко, чтобы мама вздрогнула и подойдя быстрым шагом к нам, схватила Даррела и меня за руки (Дар к этому времени уже слез с двери) и затолкала в комнату, тихонечко закрыв дверь.

— Не кричи, пожалуйста. — вполголоса умоляет мама.

— Хорошо. Но почему отец должен быть в бешенстве? И почему об этом знает Рая, но не мы с Даром? — непонимающе бурчу я, садясь на кровать Раи. Даррел садится на ковер возле моих ног.

— Сынок, ну что ты как не знаю кто... — начинает мама, но Даррел лишь выставляет ладонь, говоря этим жестом "Стоп. Не сейчас". Мама замолкает, а я в этот момент спускаюсь к брату, и ложу голову ему на плечо. Увы, но сон из меня еще не ушел, а лежа я не смогу видеть маму. Рая хмыкает и садится, с другой стороны, повторяя мою позу. Мама тепло улыбается, наблюдая эту картину:

— Вы прям как в детстве...

— Мам расскажи им. — просит ее Рая.

Мама вздыхает и еще пару секунд посмотрев на нас, начинает встревожено рассказывать. Оказывается, пока я видела единорогов во снах, из Хранителя Душ пропала душа... Так еще и из Хирвода! И та самая душа, из-за которой я туда летала! В голове сразу появляется лицо папы и то, каким счастливым он был, получив свои бумажки.

— А как так вышло? — хмурясь медленно спрашиваю я, глядя в мамины темные глаза.

— Как-как... Кто-то пробрался в Хранитель Душ. Вырубил охранника Хирвода со спины, и пока тот валялся в отключке — забрал то, что ему хотелось. Только вот для чего это все? — мама обеспокоено смотрит на нас троих.

— Без понятия. А что с охранником? И вообще, как туда мог проникнуть "кто-то", когда на стойке сидела женщина... — все еще непонимающе я задаю вопросы. Что случилось с Регом?

— Говорят, что она то ли уснула, то ли книгу сидела читала и не заметила никого. Охранник... Он в шоке. Мне сказали, что вид у него очень плохой. Он набил себе шишку и вроде нос разбил. И глядя на него ощущение, будто он винит себя во всем. Ну это мне Архангелы донесли. Правда с просьбой рассказать об этом Люциферу. Сами боятся. — взгляд мамы ста-

новится вновь тревожным, и она опасливо оборачивается на дверь. Пусто. — Парнишку жалко. Ну охранник, который. Он стоял один! Даже не в паре! Его оглушили со спины, пока он пошел списки проверять... И эта женщина! Ты на работу пришла или спать?

Мама очень чувствительна и жалостлива. И сама по себе ранимая. Но это она показывает только дома и только нам и отцу. Другие видят холодную, кровожадную и одновременно страстную женщину.

— Это могли сделать, чтобы засунуть эту душу в чужое тело. — вдруг подает голос Рая. Тон напряженный и задумчивый.

— Или, чтобы переродить. — тут же вставил пять копеек хриплый голос Даррела.

Мы с мамой встречаемся взглядом. Все мы понимаем, что версия Раи наиболее вероятна и опаснее, чем предположение Даррела.

— Нужно сказать Люци. — отчаянно произносит мама, давая понять, что сама она сказать не сможет. Вот так. Властная и кровожадная, но боящаяся разочаровывать и злить мужа. Не потому, что папа может что-то сделать ей. Он никогда ее не трогал. А потому что не любит мрачное настроение в семье. Ее от этого мутит и ее тревожность повышается. Бывало даже до истерик доходило. Даже сейчас в глазах мамы появляются слезы от страха.

— Ада скажет. — произносит Даррел и Рая в один голос, и все трое поворачивают головы в мою сторону. Я поднимаю свою голову с плеча брата и отстраняюсь, чтобы видеть всех. Глаза мамы полны надежды, глаза Раи выглядят умоляющими, но я-то знаю, что этот взгляд обозначает "безвыходная ситуация". У Даррела взгляд говорит: "Ты сможешь".

Очень обнадеживает. Спасибо, любимые брат и сестра.

— Я скажу. — уверенно произношу я. Хотя в душе... Я НИ ХРЕНА НЕ УВЕРЕНА.

Рассказать Сатане, что кто-то обчистил Хранитель Душ, который столько веков стоял себе спокойно и никого не трогал? Легко. Стать виновником разгрома членов Хранителя Душ? Мечта.

— В случае чего, я скажу ему, что узнала это все от вас двоих. — шепотом угрожаю я Рае и Дару, пока мама облегченно выдыхает и направляется к двери.

— Тогда, встретимся за ужином. — говорит она и скрывается за дверью.

— ПИПЕЦ! — выносит вердикт брат.

— Ну что ты. Вовсе не пипец... — рассматривая свой маникюр, который, перекрасила в яркий алый цвет перед дневным сном, поправляю брата. — Это пиздец. Не преуменьшай, пупс.

— Да нормально все будет! — недовольно заявляет Рая. — Чего вы как мама панику наводите? Ну будет злым. Отец каждый день бывает злым.

— Да. Но только там он злится на прислугу и коллег. А тут семья. Вспомни его крики, когда ты сказала, что Адский центр Знаний подожгли "случайно" во время опытов. Так это было действительно случайно, и виновники сразу нашлись. Точнее сами явились. А орал он так, будто это мы втроем решили поиграть в Угольки. — отвечает ей Даррел.

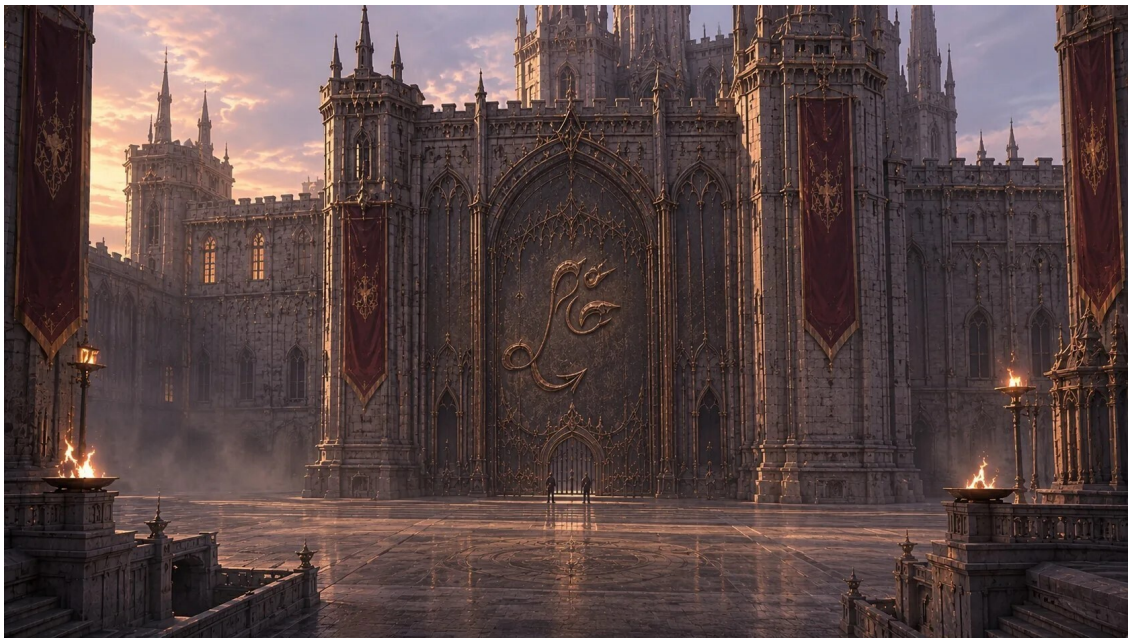
— Ага. Только это был Адский центр Знаний, где всего лишь учились студенты, проводили эксперименты, работали ученые и так далее. А ТУТ СТЫБЗИЛИ ДУШУ! И НЕ ПРОСТУЮ, А ЯДЕРНУЮ! — не выдержав начинаю орать я.

— Да тише! — шипит на меня сестра. — Хорошо, вы правы. Он будет очень зол. Я всего лишь пыталась сохранять спокойствие.

— Которого нет. — вздыхает Дар. — Ужин через полчаса. Ты готова? — спрашивает он у меня.

— Великий Дед! Нам почти 70 000 лет! А мы боимся собственного отца... Уже должны были привыкнуть. — восклицаю я, недовольно отворачиваясь от них и уходя к окну. Отрыв его, вдыхаю свежий вечерний воздух. Уже темно, поэтому отсюда видно башни замка, огромный двор, и даже видно крошечные кованные врата, которые в близи кажутся невероятных размеров и на них выгравирован герб нашей семьи — изначально можно подумать, что на вратах

была вычурная буква "Л", но если присмотреться, то можно увидеть, что ее форма подчинена анатомии скорпиона. Верхнюю перекладину венчала массивная клешня, правая ножка буквы изгибалась второй клешней, а левая, плавно закругляясь, переходила в смертоносное жало хвоста. По правую сторону от буквы висит круг — стилизованная голова скорпиона, увенчанная острыми рогами. Почему скорпион? Папа любит это членистоногое. Считает, что он такой же величественный как он. Ну и еще, потому что скорпион не нападает первый. А вот если тронешь его, мало того, что отомстит, так еще и столько дряни оставит. Так же, как и он. Точнее — наша семья! (цитировано).



Так вот. Врата освещаются факелами. Да, настолько мы старые, что пользуемся факелами. На самом деле они просто горят благодаря заклинанию, отменить которое можно, одним словом. Получается любой факел работает как обычная лампочка. Свет от огня создает тени, которые придают мрачности вратам. И всему замку в целом. Восхищаюсь нашим замком, нашими владениями.

— Ада, ты будешь собираться? Осталось двадцать минут. — вытягивает меня из пучины мыслей голос Раи.

— Уже? — капризно тяну я. — Ладно. Я пошла приведу себя в порядок. Встретимся возле лестницы. — говорю я, направляясь к двери.

— Ада... — слышу голос брата. — Если хочешь...

— Я скажу. — перебиваю его я. — Для меня это не проблема. Лучше послушать его ор, чем наблюдать за новыми смертями.

Попав в свою комнату, я погружаюсь полностью в свои размышления. И в размышления о пропаже. Бедный Рег. Надеюсь, что отец его пожалеет.

***

Даррела и Раю я нахожу там, где назначила им встречу. И вот что я вижу:

Рая — одета в капри с разрезами сбоку в оттенке слоновая кость и карамельную блузу в стиле бохо с бантом, который не завязан. На ногах под цвет блузе балетки. Передние пряди волос заколоты сзади бежевым крабиком, а остальная длина распущена. Из украшений: золотые серьги капли и такой же браслет.

Даррел же одет как на Крещение. Весь в белом. Белая широкая рубашка, белые широкие брюки (откуда они у него?) и даже обувь белая! А именно — cosottinni! Где он их только нашел?! На голове правда, как всегда, гнездо.

Я жмурюсь, делая вид, что от брата исходит свет, слепящий глаза.

— У кого-нибудь есть солнцезащитные очки? — возмущенно спрашиваю я.

— Еще одна! — не менее возмущенно говорит Дар, закатывая глаза.

— Я серьезно! Смотреть на тебя не могу! Тьфу! — восклицаю я. — Ты решил ослепить отца, чтобы он орал из-за зрения?

— А ты решила всем своим видом показать, насколько веселые вести несешь? — не остается в долгу Дар.

— А вот я специально так оделась, чтобы тебя хотя бы немного затемнить. И вообще, это мой стиль.

Одета я, кстати, в черное приталенное платье, подол которого валялся бы на полу, если б я не надела любимые каблуки от Cesare Paciotti с дизайном Dagger Heels. У подола есть два разреза от бедер, которые закрывает полупрозрачная блестящая сетка. Рукава платья разрезаны до локтя и расклешены. Корсет платья обтягивает мое тело как вторая кожа, красиво поднимая грудь. Кстати, вырез тоже приличный, Uобразный вырез. А еще корсет украшен стразами. Из украшений: мрачный черный кулон с изображением ворона и все. Волосы мягкими волнами закрывают спину.

Ну не весело одета, и? А кто сказал, что кому-то будет весело вообще?

— Напоминаю, что до ужина осталось две минуты. — подает голос Рая. — Священник и монашка. — улыбаясь, подтрунивает над нами.

— Тебе косыночки не хватает. — отвечаю я, и развернувшись, спускаюсь по лестнице.

— Это же платье с прошлого дня рождения? — пропустив мои слова мимо ушей, спрашивает Рая.

— У нас нет дня рождения. Мы же *демоны*. — копируя тон Аарона, произносит Даррел. Мы с Раей встречаемся взглядами и начинаем смеяться.

Раньше ангелы и демоны не отмечали дни рождения. Мы живем практически вечно, поэтому считали, что дни рождения — бесполезный праздник. Если хочется пира, то можно устроить это в любой день. По большей части из-за проблем с датой. В Небесном Царстве нет определенного времени. Тут все медленнее, чем на земле. Не сразу жители нашего Царства стали придерживаться человеческого времени.

Но наши родители решили, что все, кто живет в замке Сатаны точно будут отмечать свой день рождения. Прежде всего из-за мамы. Каждый год ее день рождения был грандиозным праздником с самого детства. А вот у папы не было такого праздника. Никто не знал когда именно он родился, кроме нас и его отца и матери. И отмечаем мы поэтому его день рождения маленьким семейным кругом.

Из-за потери дня рождения в детстве папа поддержал затею праздновать наши дни рождения каждый год как было у мамы. Поэтому каждый год Ад сотрясают целых четыре громких праздника.

— Да. И в нем же я была на Земной Новый год. — отвечаю я. — Мне оно очень нравится.

— Я так и поняла.

— Надеюсь, что у отца оно вызовет столько же положительных эмоций, сколько и у тебя. — напряженно выдохнув и остановившись напротив дверей в столовую, произнес Даррел.

— Флешбэк в детство. Когда мы косячили и потом также стояли под дверью кабинета отца. — кусая губы, вспоминает Рая.

— Ага. Только сейчас над нами не возвышается трое охранников, которые по просьбе мамы сопровождают нас. *Чтобы мы* ***точно*** *дошли до отца.*— последнее предложение Даррел произносит писклявым голосом, парадируя маму.

— Старшие вперед, — подтолкнув брата ближе к двери, хмыкаю я. — Или боишься?

— Ты неисправима! — смеясь, говорит Рая.

И мы с Даррелом понимаем о чем она. Потому что именно эти слова я постоянно говорила брату, стоя перед той самой дверью. И каждый раз Дар бросал на меня испепеляющий взгляд и вытерев вспотевшие ладошки о футболку, открывал злосчастную дверь, где нас ждал Ад. Вот и сейчас Дар проделывает то же самое.

— И это ты говоришь, что ***я*** неисправима. — улыбаясь, шепчу на ухо сестре. Мы обмениваемся насмешливыми и одновременно теплыми взглядами, прежде чем зайти в столовую.

— Мы все неисправимы. Каждый раз идем на свою казнь с гордо поднятыми головами. — бормочет Даррел.

Отец сразу нас замечает, и его губы расплываются в широкой улыбке. Вот почему он именно сегодня в настроении?

Когда мы подходим к столу отец встает, целует нас с Раей в щеки, а Даррела обнимает. Затем отодвигает стул Рае, то же самое делает Даррел с моим стулом и они тоже приземляются на свои места.

Мы приступаем к ужину, обсуждая как у кого прошел день, что нового и смешного было и так далее. Все как обычно, лишь с одним отличием. Все напряжены и ужасно нервничают, кидая на меня вопросительные взгляды. Естественно, кроме отца. Я же молчу. Еще в своей комнате я решила, что "обрадую" отца после ужина. Голодным он будет еще злее, чем сытым. Да и мы потом не сможем поесть нормально. Хотя сейчас тоже аппетит не самый сильный.

Наконец, когда отец взял бокал с вином, я обратила его внимание на себя:

— Пап... — мой голос был жалок. Будто это я натворила чудес. Мне было стыдно.

Отец сразу встревожился.

— Что случилось, дитя мое? — обеспокоенно спросил он.

— Папа, прости, что эту новость сообщаю я. Еще и в такую минуту... — я говорю все скороговоркой. — В Душе Хранители украли душу. Кто это сделал неизвестно, на охранника напали и вырубили его. Нашла его без сознания женщина, встречающая всех на стойке. Украли душу Рея Фостера. Зачем, куда и почему никто не знает.

Сначала отец сидел и глядя мне в глаза загружал информацию в голове. *Усваивал* ее.

Затем брови отца опустились настолько, что казалось вот-вот и глаз не будет видно. Радужки карего цвета стали ярко-красными с опасным взглядом. Эти глаза чуть ли не в буквальном смысле метали молнии и разносили все вокруг ураганом. Они светились настолько сильно, что казалось если потушить весь свет в столовой, мы все равно будем все видеть благодаря их сиянию. И вот дальше каждый член нашей семьи вжался в стулья.

— Что значит украли? — холодный и напряженный голос разрубил тишину вокруг. Он звучал как сталь и заставлял все внутри замереть. — Я спрашиваю: Что. Значит. Украли?! — повторно прорычал он, едва сдерживая свой гнев, давая понять, если мы будем молчать, будет только хуже.

— Папочка успокойся. Ты нас пугаешь. Мы все объясним, только успокойся. — вцепившись в ладонь отца умоляющим голосом произнесла я. И на удивление он сжал мою ладонь, правда очень сильно, что я аж поморщилась от боли. Обычно он не позволял себя касаться в порыве злости. Пользуясь этим я продолжила.

Я также скороговоркой рассказала ему все то, что до этого в комнате сестры нам поведала мама. Рассказывала, едва ловя воздух. Боясь, что у мамы снова будет мигрень из-за агрессии отца. И очень сильно переживала за Рега. Вдруг отец не поймет, что вина лежит на тех, кто поставил его охранять *одного*? Вдруг сделает что-то *ему*? Я не отводила взгляд от алых глаз Сатаны. Сейчас он выглядел максимально угрожающе. Даже *я* тряслась под этим взглядом. Заметив, что меня трясет от сдерживаемых слез, отец отпустил меня. А затем встав из-за стала, подошел ко мне и жестом показал идти за ним. Переглянувшись с остальными обеспокоенными взглядами, я прошептала:

— Все будет хорошо. Он вроде немного... — я запнулась. Что он немного? Остыл? Успокоился?

— Иди. Он хочет что-то тебе сказать *наедине*. — сказала мама. Ее голос был спокоен и меня это удивило, ведь в ее взгляде была паника. Посмотрев на брата и сестру, я взглядом указала им на маму, которая уже опустила взгляд и ушла вслед за отцом. Догнав его услышала как он дал указания охраннику, чтобы через пятнадцать минут он передал Весперии, что ждет всех у себя в кабинете.

Выйдя из столовой отец, резко развернулся ко мне и заглянув в глаза притянул в свои объятия. Не имея больше сил сдерживать эмоции, я разревелась. Плакала тихо. Так тихо, что выдавали меня лишь всхлипы и дрожь. Отец успокаивающе гладил меня по спине и волосам другой рукой прижимая меня к себе. Этот момент вернул меня в детство. Я снова чувствовала себя маленькой девочкой, которая каждый раз, когда на нее повышали голос родные люди, начинала невольно плакать. С возрастом это стало контролируемо, но не до конца. Выплакав все боль, страх и переживания, я подняла голову ловя взгляд папы. Он же чмокнул меня в лоб и его губы тронула нежная улыбка:

— Я рад, что некоторые черты поведения и твоего характера не изменились до конца. Пошли в кабинет, через пару минут туда придут остальные.

Я лишь кивнула, и держась за руки мы с отцом отправились в его кабинет.

***

Сидя всей семьей в кабинете у отца, я стала немного расслабляться. Когда мама и Дар с Раей пришли сюда, я им быстро рассказала, что было. Что, придя сюда я рассказала отцу все еще раз только более спокойно и внятно чем до этого. Он воспринял это не спокойно вообще. Это мы поняли по его взгляду, когда он вылетел из кабинета. И все же мы были удивлены, что в *такой* ситуации он хотел казаться спокойным, чтобы не пугать нас и не тревожить маму. Обычно он не пытался сдержать эмоции. Хотя может из-за прошлого раза... В последний раз папа довел маму до истерики, и она лежала несколько дней в госпитале. Естественно, он не хотел такого итога. Он не подозревал, что мама не просто накручивает себя и начинает тревожиться из-за всего, а доводит себя до панических атак. Возможно поэтому теперь он пытается не выносить свои эмоции на всю округу. Или хотя бы не при маме. Он ее слишком сильно любит. И тогда он выглядел очень подавлено и виновато.

— Как думаете куда он ушел? — тихо задала вопрос мама.

— Не знаю. — отвечаю я. — Может остудиться вышел?

— Скорее он в Душе Хранитель отправится, чем остудиться. — недовольно бурчит Даррел за что получает мой испепеляющий взгляд.

Мама нервно заламывала пальцы сидя между мной и Раей. Она переживала разом за все: за отца, за Рега, за Элизабет, за нас и за потерянную душу. В общем переживала за все что нужно и не нужно сразу.

— Мам, все хорошо. Он не кричит на нас. Не переживай за остальных. Пожалуйста. — положив ладонь поверх маминых измотанных пальцев, нежно произнесла Рая. Весперия же подняла на нее свои наполненные слезами темно-зеленые глаза.

— В этом и дело, доченька. Он на нас не кричит. А точнее при нас. Но сейчас он ушел, а значит... Я переживаю за него. — на последних словах ее голос дрогнул, а после по щекам потекли горячие слезы. Она настолько любила отца, что начинала за него переживать при любом случае. Это одновременно нас удивляло и вводило в непонимание.

— Мам. — подойдя и присев перед ней, пытаясь заглянуть в глаза, вполголоса произнес Даррел. Когда она посмотрела на него он продолжил. — Мамочка, пожалей себя. Подумай о себе. Почему ты думаешь о других? Да ты их любишь, но то, как ты все воспринимаешь... — Он замолчал, подбирая слова и задумчиво кусая нижнюю губу.

— Мы просто в один момент начнем делать как отец. Никто из нас троих не будет показывать своих настоящих эмоций. А затем вообще перестанем рассказывать что-либо из нашей жизни. Ты разве этого хочешь? — серьезно спросила *я*. Мамины брови взлетели от удивления. Мой тон был строг, а брови нахмурены. В глазах была уверенность. Когда-то в нашем детстве она пыталась донести до Даррела, что он демон и поэтому ему можно быть грубым. Для маленького братца это было чем-то ужасно неправильным. И пока она с ним говорила нежно и заботливо, то он даже не слышал ее. Но когда тон ее изменился на более дерзкий и уверенный, он сразу изменился в лице. Сложить два плюс два легко. Характер Даррела очень похож на мамин, а значит и действовать мы будем также как и она когда-то.

Лица брата и сестры тоже были удивлены. А взгляд Дара прямо говорил мне, что я дура. Но я знала, что действую правильно.

— Выбор за тобой. Когда-то ты учила нас быть сильными, и что теперь мы видим? Мам, ты нас этому учила? Это в твоем понимании сила? Не подумай, что я намеренно делаю тебе больно... нет, намеренно. Потому что ты думаешь о том, как *тебе* жалко *других*. Но ты подумала о нас? Обо мне? О Даре? Рае? А о папе? Ты подумала хотя бы раз как нам больно смотреть на твои слезы, на твое состояние. Сколько раз ты думала о том, что за тебя переживаем мы? Я понимаю все. Ты чувствительная. Но раньше ты умела брать себя в руки, что же сейчас происходит?

— Ты права. — слезы уже высохли в ее глазах. В них плсьепенно пробуждалась злость на свою слабость, стыд за постоянные истерики, который затмевало упорство и гордость. Теперь я видела *Весперию*, а не маму плаксу-ваксу. — Простите меня. Не нужно смотреть так на сестру, Даррел. Она ведь права. Я действительно ни разу не подумала о вас. О тех, кого люблю и уважаю. Просто... Мне правда очень тяжело последнее время совладать с эмоциями. Потому что уже долгое время внутри меня живет тревожность, что вот-вот произойдет нечто ужасное. И каждый раз я думаю, что вот это наступило. Но тревожность все не уходит.

— Мам. — вновь привлекаю ее внимание. — Если что, я прошу собрать себя по частицам, но не смей от нас закрываться. Мы сразу поймем, что ты скрываешь от нас что-то. Мы всегда рядом, просто осознание, что ты трепаешь себе нервы иногда просто так нас всех пугает.

***

Маму мы смогли привести в чувство. И в итоге, пока отца не было мы разговаривали по душам. Рассказывали маме о своих чувствах касаемо всей ситуации. Весперия больше не выглядела как замученный котенок. Она была словно феникс, который восстанавливался с каждой секундой. Но страх, что это может быть маской не отпускал меня.

Поэтому я решила, что, когда мы хотя бы с Раей останемся наедине, попрошу ее использовать свой дар и узнать насчет мамы.

Сидели мы в кабинете отца около часа, может даже больше. Но вот дверь открылась, и мы увидели растерянного отца. Он не ожидал, что мы будем все это время ждать его здесь.

***

Глава 10.

Я с трудом открываю уставшие глаза, слыша, как кто-то яростно барабанит в мою дверь.

Вернувшись без какого-либо настроения в свою квартиру, я спрятал душу брата в шкаф с вещами на верхнюю полку в самый дальний угол, до которого даже я не достаю без стула. Все совершенное мною за половину дня настолько вымотало меня, а по большей части именно моя нервозность, что я лишь скинул рабочее кимоно вместе с алебардой и оставшись в тонкой полупрозрачной хлопковой рубашке и таких же штанах упал в сонное царство стоило моей голове соприкоснуться с подушкой на кровати.

И теперь кто-то заставляет меня из него выйти.

Резкое осознание, что *кто-то*ломится в мою квартиру после всего, что *я* наделал *сегодня*, заставляет меня резко подняться на ноги отчего в глазах темнеет. Прокручивая всевозможные мысли и догадки, я крадусь к входной двери, и остановившись справа стал слушать как тишину моей квартиры разрушает дикий стук. Страх не позволял подойти к дверному глазку и посмотреть на паршивца. Страх, что это Херувимы пришли снимать меня с должности. Или Люцифер уже зная все обо мне и моем брате.

Но облегченный выдох вырвался из меня, когда я услышал знакомый голос:

— Рег твою мать! Если ты не откроешь эту ебаную дверь, то я ее разнесу в щепки! — ярость бушевала в Алалии.

Выпрямившись, я открыл дверь впервые за два дня *искренне* улыбаясь:

— Это метал, его нельзя разнести в щепки. — облегчение, что пока что я все еще не обвиняем и у меня есть время повлекло за собой радость. Радость, что это Алалия. Радость, что пока никто еще ничего не знает.

— Да плевать я хотела! — зло выкрикнула она мне в лицо и оттолкнув влетела в мою квартиру. — Ты в подвале сидел?!

— У меня квартира... — начал я, но меня прервала эта фурия, которая набросилась с кулаками. Позволив ей выместить на себе весь негатив и дождавшись, когда она отстранится и начнет выжидающе на меня смотреть я спросил:

— Что? — непонимание так сочилось в моем голосе.

— Почему ты ничего мне не рассказал? Что с тобой? Почему так долго не открывал дверь? Как ты себя чувствуешь? Что с тобой произошло? Как это вообще произошло? Когда ты пришел домой? — вопросы так и сыпались из этой маленькой наглой дьяволицы.

— Стоп-стоп-стоп! — выставив перед собой руки в качестве защиты прервал ее. — Пошли на кухню для начала. И там за чашкой кофе будешь вести допрос. Но только все вопросы по очереди с паузами для моих ответов. Иначе я с ума сойду. — хмыкнув, сказал я и направился на кухню, не дожидаясь согласия подруги.

Уже на кухне, когда протянул сидящей на барном стуле горячий крепкий черный кофе с клубничным сиропом, я позволил Алалии разрушить тишину, в которой до этого готовил ей кофе. Сам же решил заварить себе ромашковый чай. Нервы до этого изредка шатаемые, уже не то, что сдали позиции, они растворились за последние дни. Пора бы дать им отдохнуть. Подруга же долго ждать не смогла, и едва сделав глоток кофе поморщилась, высунув язык и начала тираду:

— Во-пелвых, какого хлена кофе сплосной кипяток? — шепеляво спросила. — Осюсение будто мою глотку вылвали и блосили валиться в чайник, а затем присили облатно!

Злой тон подруги заставил меня лишь громко рассмеяться, но никак не испугаться или почувствовать укол совести. После сегодняшнего дня от совести ничего не осталось.

— Отвесяй! — ударив кулаком по столешнице выкрикнула она. Я, все также смеясь налил в стакан холодной воды и протянул Алалии.

— Прости, но я думал ты догадаешься, что если кружка горячая, то навряд ли жидкость в ней холодная.

— Опять умничаешь? — опустошив стакан, недовольно пробурчала она. — Следующий вопрос. Почему ты пьешь ромашковый чай? Точнее, с каких пор?

— Сегодняшний день забрал всю мою нервную систему, Ли. — помрачнев, ответил я.

— Хорошо. Тогда расскажи мне страшную сказку под названием Сегодняшний день Рега. — пристально наблюдая за мной, попросила подруга.

Вздохнув, я начал свой рассказ. Естественно, не стал упоминать о ночной истерике, брате, и своих злых намерениях. Я рассказал, что всю ночь плохо спал, потому что у соседей был скандал, тем самым поддерживая утреннюю ложь. Уж если начал *так* врать, то лучше врать *так* везде. Затем я пришел без настроения с мигренью на работу. И далее рассказал уже правду до момента, когда я отправился грабить люменарий. Ну и упустив момент, где я впервые увидел душу брата. Ну и закончил все той ложью, которую рассказывал высшим ангелам и демонам. Все это время Алалия сидела тихо. Когда ее кофе остыл, то слушала меня изредка делая глотки напитка. Но взгляд ее был при этом не особо приятный. Скорее подозревающий и одновременно непонимающий. И немного наполнен переживанием за меня. Закончил я свой рассказ тоже правдой. Пришел домой и уснул без сил.

— А затем проснулся от стука. Погоди, я добавлю кипятка в чай. — отпив уже остывшего чая и поморщившись, договорил я.

— Рег. — позвала меня Али, когда я вернулся на место с теплой кружкой.

— Что? — непонимающе спросил.

— Ты что-то недоговариваешь?

— Ты подозреваешь меня во лжи? — возмущенно спросил в ответ я.

— В твоих глазах очень много боли. Я бы даже сказала горя. И что-то из этого промелькнуло в них еще вчера. Когда я рассказывала тебе о маньяке. Вы как-то связаны?

Мои глаза округлились от ужаса. Как она узнала? Как догадалась? А может Сатана уже все знает и объявил об этом? Или я где-то выдал себя?

От страха я потерял дар речи. Молчание было слишком долгим.

— Рег?.. Неужели я права? — шок прострелил Алалию насквозь и отстранившись от столешницы она озвучила то, чего я боялся. — Это ты?..

Понимая, что, если не опровергну ее догадки, она будет верить в это. Однако страх осушил мое горло. И прежде, чем возразить я замотал головой и быстро сделал глоток чая, который уже не мог мне помочь.

— Я что? Али... — тут я округлил глаза еще больше, будто только сейчас понял, о чем она думала. — Ты думаешь, что это *я* украл душу?! — удивление и страх сочились в моем голосе. Удивление было от того, что я вновь вру подруге.

— Я...я.. — спотыкаясь о слова начала было Алалия, но закусив губу опустила голову и показа ладонью знак подожди.

В давящей тишине мы просидели минут десять, и когда остатки совести стали кричать о том, что ей *можно* признаться, даже *нужно*, Ли заговорила.

— Рег, прости меня. — голос ее охрип. — Я действительно не знаю, как меня могла посетить эта мысль. Ты ведь один из самых святых и чистых ангелов! Но я так сильно переживаю за тебя... Вчера ты вел себя очень странно, а сегодня все это... Не подумай, что я тебе не доверяю. Я просто вижу по глазам, что ты что-то недоговариваешь мне. Ты же знаешь меня...

— Я помню о твоей силе... — в этот момент до меня дошло, что она начала этот разговор именно из-за своей силы. Алалии досталась сила Проницательности. У людей это качество выражено не во всю силу. А вот у высших существ это дар, которым они могут воспользоваться. Алалия может проникнуть в сознание и там отрыть правду. Точнее узнать какой секрет ты

хранишь. Легко и просто это провести с человеком. Но на себе подобном... Это невозможно сделать незаметно.

— Прости Рег, но я хочу знать что прячешь от меня в своей голове. — на этих словах она резко встала и пробурчав какое-то заклинание ринулась ко мне. Я же не успел пошевелиться как меня обвили змеи. Из ниоткуда. И тогда я понял, что бурчала Ли. Сковывающее заклинание. Сначала шипящие змеи меня обвили, а затем окаменели, превратившись в цепи. Я начал брыкаться, но цепи не имели конца или начала. Поэтому выпутаться из можно лишь произнеся заклинание, которое раскрошит их. Я, будучи Херувимом учил все заклинания, но половина испарилась из головы, так как не было нужды их использовать. Поэтому мое сознание судорожно пыталось его вспомнить.

— Поверить не могу... — фыркнул я.

Алалия же уже подошло ко мне и сев на мои колени переплела наши ладони. Другой же рукой она схватила меня за подбородок и крепко удерживала его так, чтобы мои глаза глядели в ее не отрываясь. Чтобы проникнуть в сознание необходимо видеть зрачок существа. Именно он является порталом в сознание. Вспомнив это, я закрыл глаза, не позволяя Али ворваться в свой мир лжи без приглашения.

— Открой. — в ярости прорычала она. Я знал, что моя подруга хитра и безжалостна. Но ко мне она никогда не применяла свою хитрость, жестокость и уж тем более силу.

— Уйди Али. — прошипел я вновь начав брыкаться. Заклинание так и не всплывало в моем сознании. Это начинало меня раздражать.

— Не смей мне перечить! — словно змея стала шипеть она. Ее голос был как бархат. Зеленый бархат. Она была очень зла. Ее бесил факт, что у меня есть секреты от нее.

— Слезь. С. Меня. — отчеканил я. Тон мой давал понять, что я не потерплю возражений. От удивления девушка окаменела. Она также ни разу не слышала грубости от меня. — Немедленно.

— Ты... — начала она, и ее ладонь переместилась на мое горло. Она начала не сильно душить меня, но я уже не мог сдерживать свою злость. Мой гнев был в разы больше ее. Я был зол на брата за его решение стать убийцей, на свою судьбу, на смерть брата и несправедливость, на то, что мне было больно, на то, что делаю глупости и вру всем, на самого себя и сейчас на Алалию. На ее поступок.

— Я СКАЗАЛ ОТВАЛИ ОТ МЕНЯ! — распахнув глаза, не своим голосом выкрикнул я. Мои глаза горели, я чувствовал это. От ярости они сияли желтым цветом. Мое лицо исказила гримаса не только боли и разочарования, но и злости. И это поразило девушку настолько что она испуганно закричала. А я же прорычал заклинание огня. Загорелись не только цепи, но и стул, на котором я сидел. Огонь также нанес ожоги спрыгнувшей с меня испуганной Алалии. Я же остался цел. Как только цепи стали плавиться, и я смог встать, расправил крылья задув тем самым маленький пожар. Мои крылья были грязно-голубого оттенка и переливались перламутровым серебром. Они были больше моего тела в полтора раза в полностью расправленном виде. В сложенном казались немного больше меня.

— Что за... — прижимая ладонь бедру, где виднелась обугленная дыра на джинсах, а в ней самой можно было заметить ожог, шокировано пытается что-то сказать Алалия.

— Как ты посмела?! — зло выкрикнул я. — Ты находишься в моей квартире, пила мой гребаный кофе, выпытывала из меня события сегодняшнего дня и вместо того, чтобы проявить хотя бы каплю сожаления или сочувствия ты стала обвинять меня в краже! Так еще и решила без разрешения покопаться в моих мозгах! Как тебе можно вообще доверять?! Если ты даже ***меня***, того с кем дружишь пол своей никчемной жизни ***предала***! — на последнем слове я схватил барный стул и с психом швырнул в стену. А затем, словно бешеная собака кинулся на молчавшую и охреневшую от всего происходящего Алалию. Схватив за горло, я прижал ее к стене, не сильно перекрывая ей кислород, так же, как и она до этого. — **Отвечай**! — прорычал я ей на ухо уже всем телом прижимая ее к стене, не давая шанса улизнуть. Слушая тишину, я сжал ее горло сильнее. В ее глазах я видел не только удивление и ужас, но еще и неуверенность и... *желание*? Это меня смутило.

От нехватки кислорода она стала хрипеть и кашлять. Голова стала синеть. И я ослабил хватку:

— Говори. — мой голос стал низким и хриплым, будто это меня только что не удушили от ярости.

Прокашлявшись и начав снова хотя бы как-то дышать, Алалия встретилась с моим взглядом. Ее глаза яркие зеленые словно густой лес под солнечными лучами встретились с моими сияющими желтыми будто солнце.

— Ты точно причастен к этой пропаже. — хрипло выдавила она. — А еще... почему ты не говорил, что очень сексуален когда зол? — на её лице появилась коварная, соблазнительная ухмылка, а в глазах вспыхнул хитрый огонёк. После чего ее ладони легли на мою грудь. Затем одна рука поползла вниз, а другой она прикоснулась к шее. К тому месту, где бил бешеный пульс.

Я замер, когда ее изящная маленькая ладонь оказалась возле паха. Без капли стеснения Ли провела указательным пальцем по твёрдому от возбуждения из-за ее прикосновений выпирающему члену. А затем она безжалостно сжала его. От неожиданности я резко втянул воздух. Но тут же опомнился и перехватил ее руку прижав к стене над головой. То же самое сделал и со второй рукой.

— Не капризничай. — промурлыкала Алалия. — Говорят секс успокаивает. — ее голос звучал завораживающе. Но я уже сталкивался с подобной ситуацией поэтому тряхнув головой, пытаясь избавиться от ненужных мыслей, заговорил:

— Не пытайся даже. Пока не ответишь в честь чего решила меня предать, ничего не получишь. — ухмыляясь произнес я.

— С каких пор ты ведешь себя как демон? — капризно спросила девушка и потерлась тазом о мой пах. Я же решил играть в ее игру. Только по-своему. Она наверняка хотела просто возбудить меня, запудрив тем самым мою голову и либо свалить ничего не дав, либо залезть в мое сознание и затем свалить. Но я же теперь хочу получить от нее все. И с каких пор во мне действительно появились повадки озабоченного?

Я свел ее ладони вместе над головой. Своей ладонью я переплел наши пальцы так, чтобы она не смогла опустить руки, а второй провел по ее груди, талии и бедру. Глядя при этом хитрым и многообещающим взглядом в ее прищуренные глаза. Но когда я резко шлепнул ее по груди эти глаза округлились. Я услышал, как она резко втянула воздух и вскрикнула.

— Ответишь на мой вопрос, и я расскажу свой секрет. Твоя помощь мне не помешает, Ли. — прошептав ей на ухо томным голосом, я сжал ее бедро.

— Ты же понимаешь, что играешь с огнем? — осипшим голосом спросила она.

— А ты уверена, что огнем являешься ты? — с насмешкой уточнил я. Никто кроме верховных ангелов и демонов не знал о моей силе. Я как окрыленный человек получил силу связанную с огнем. Стихии были присущи именно тем существам, которые до этого были людьми. Другие же очень редко обладали подобным. В чем заключается моя сила? Я мог управлять огнем и вызывать его не только заклинаниями, но и просто подумав о нем. Но также он мог просочиться, если я не контролирую себя и свои эмоции. Такое бывало редко, так как Христина учила меня сдержанности и контролю. Также я обладал силой времени. Я чистоту моей души по словам Христины мне даровали две силы. Но вторая бесполезна. Время я мог остановить и отмотать только на земле. В Небесном царстве его не существует.

Поняв мой намек, Алалия открыла рот, видимо желая высказаться на эту тему. Но передумала. Я же, хмыкнув повторил просьбу.

— Говори.

— А то что? Превратишь в уголь? Ты и так меня ранил. У меня три ожога как минимум. — последние слова видимо должны были вызвать жалость, но я лишь закатил глаза. И назло ей поменяв руки, прижал уже левую ладонью к ее ожогу на бедре от чего она зашипела. — Убери свою руку!

— А то что? — скучающе передразнил ее я. — Сделаешь так? — моя ладонь скользнула к ее паху, прижавшись я почувствовал тепло сквозь ткань джинсов. Алалия же хищно на меня посмотрела, закусив губу. — Не нравится когда дразнят? А мне показалось, наоборот.

— Мне нравится, когда действуют.

— Тогда жду ответ.

Вздохнув, она все же соизволила ответить.

— Ты невыносим! Почему предала? Да потому что переживаю за тебя! Ты впервые решил от меня что-то скрыть! Хотя до этого ни я ни ты ничего от друг друга не скрывали! И из-за этого я стала подозревать неладное. Еще вчера, сидя у тебя и попивая кофе у меня промелькнула мысль, что ты как-то связан с маньяком! И теперь я в этом уверена, что бы ты ни говорил! Только почему ты решил это скрывать от меня? Я же никогда ничего не рассказывала. Я никогда не предала бы тебя, если б не данная ситуация! Рег, даже если ты выкрал эту тупую душу, я не собираюсь выдавать тебя кому-то. Правда. Я готова даже сама взять на себя вину, если потребуется. — все это она говорила серьезно. Под конец ее голос стал дрожать от сдерживаемых слез.

— Но почему? Зачем тебе это все? — я уже не пытался отнекиваться.

— Потому что ты мне дорог. Ты мне как брат и даже больше. — по ее щекам стали течь слезы. — Я боюсь, что ты исчезнешь. У меня больше нет друзей или близких. Понимаешь? Даже родители относятся ко мне так, будто я их гиря под водой. Я боюсь остаться одна.

— Успокойся. — отпустив ее, она сразу стала утирать слезы, которые не прекращали течь. Притянув ее к себе, обнял ее и уткнулся носом в волосы. Носа сразу коснулся запах ирисов и леденцов.

Я пытался ее утешить. В итоге пообещал никогда ее не бросать одну. Всегда быть рядом. Спустя полчаса мы оказались на диване. Алалия положила голову мне на плечо, а я приобнимал за плечи одной рукой.

— Рег. — тихо позвала она меня.

— М-м-м?

— Расскажи мне правду. Прошу тебя. Я схожу с ума. Я готова тебе помочь при необходимости.

***

Я протянул ей мешок, который до этого был спрятан в шкафу.

— Вот.

Алалия, забрав мешочек, бросила на меня непонимающий взгляд. Я кивнул, и она открыла его. Брови взлетели чуть ли не до корней волос, зеленые глаза округлились от ужаса. От неожиданности руки Алалии ослабли и если б я быстро не среагировал, поймав мешок, как только он выскользнул из ладошек, то... Даже думать не хочу.

— Ты... — голос ее дрогнул. Не выдержав, она закрыла лицо ладонями. Не в слезах, нет. Новость слишком тяжела.

— Да. Алалия, ты не... — начал я, но она меня перебила.

— Почему? Зачем? Рег для чего тебе она? — голос был слабым.

— Али... Эта душа... — я запнулся. В голове промелькнул вопрос: правильно ли все это? Не выдаст ли меня?

Сердце твердило довериться ей. Мы ведь столько всего прошли вдвоем... Но ее последний поступок так и выбивал почву из-под ног. Но мне уже терять нечего. Не могу же я ей сказать, что пока шел домой споткнулся о шар и решил забрать его себе домой.

— Рег, ты не переживай. Я всегда тебя пойму и поддержу... — словно поняла мои переживания.

— Это мой брат. Я Рег Фостер.

***

Глава 11.

Не буду скромничать. Моя новость очень... В общем вот:

— У ТЕБЯ БЫЛ БРАТ?! — не ожидая *ора*, я вздрогнул будто меня пырнули.

— ***Есть***. — ну не могу я смириться, что брат теперь тоже мертв.

— НЕ ВАЖНО! У ТЕБЯ ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ БЫЛ БРАТ?! ЕЩЕ И МАНЬЯК! — на последнем слове мое лицо искривилось как от лимона. Я бросил на подругу недовольный взгляд параллельно крутя пальцем у виска.

— Ты еще к Сатане явись и заори на весь замок: маньяк братец Рега! Ну тот, которого недавно типа оглушили в Душе Хранителе. Кстати, никто его не глушил! Он решил устроить пранк!

Мои слова заставили Алалию закатить глаза к потолку.

— Очень смешно. Ты считаешь меня совсем идиоткой видимо. — Она сидела в углу серого дивана и смотрела на меня своими зелеными глазами. Я же стоял, крепко сжимая проклятый мешок. — Стоп... — вдруг, всю яркость ее глаз закрыл зрачок. Удивленно моргая, она продолжила. — Так это из-за тебя он стал...

— К сожалению. — резко оборвал ее я. — Я тот самый младший брат, который испортил будущее старшему. Тот, кто обрушил мрак на семью.

— Рег, ты же понимаешь, что как раз таки именно **ты** ничего из выше перечисленного тобой не сделал? Это не зависела от тебя. Тебя убил другой мальчик, который потом поплатился за это. Кстати, сможешь рассказать, ***как*** ты умер? Если помнишь...

— Давай не сегодня. Ты лучше скажи мне. Сможешь мне помочь?

Алалия непонимающе подняла изогнутую черную бровь:

— Чем же? Надеюсь, это будет ответом на вопрос: зачем тебе душа брата? Ты же не собираешься... — пристально смотря в мои глаза она выдохнула. — Собираешься.

— Мне нежна твоя помощь. Я хочу высвободить его отсюда. Он должен жить. Он не может провести всю оставшуюся жизнь вот здесь. — я достал кровавый шар из мешка зачарованно и одновременно печально рассматривая песчаную бурю в нем. — Мне важно, чтобы он... — мой голос дрогнул, а по щеке скатилась одиночная слеза.

— Рег. — Алалия села на край дивана протянув сложенные чашечкой ладони, и я вложил в них душу. — Ты не пойми меня неправильно. Я лишь хочу попытаться тебя вразумить. Ты осознаешь, что в его тело вернуть брата не сможешь? Что душа навеки будет кровожадн7ой пока ее не отправят на чистку? И что освободить ты сможешь его лишь вселив в полуживого человека? И самое главное. Он уже никогда не будет жив. Он умер, Рег. Это тяжело для тебя. Я понимаю. Но ты должен это понять прежде, чем свершишь ошибку. Да ты вселишь его душу в другого человека. Но он не будет твоим братом. Тем более, что таким способом ты убьешь человека в которого вселишь душу. Она точно будет сильнее. Сможешь ли ты жить дальше с этим клеймом?

Я видел в ее глазах все. Серьезность. Страх. Сожаление. Печаль. Нежность.

Но мой разум покрывает туман справедливости и чувства вины.

— Он все равно уже будет полумертвым. Ему без разницы будет. А мой брат... Понимаешь Ли... Это мой старший брат. Мой. Тот который меня любил. Тот, кто скорбел по мне всю жизнь. Тот, кого люблю я. Пока он тут. — я указал рукой на шар в ее руках. — Я чувствую вот здесь. — указал на грудь, где билось сердце. — Тяжесть. Меня погубит чувство вины. И теперь я смогу следить за ним. Я буду знать в кого вселю душу брата. Я буду знать где находится Рей. Я смогу его переубедить. Правда.

— Последнее: как думаешь, насколько ты сломаешь жизнь родным людям того, в ком будет душа Рея?

— Он. Должен. Жить. — отчеканил я и Алалия пораженно опустила голову.

— Каков твой план? Терпеть изгнание лучше вдвоем чем одному. — вздохнула она.

— Нам нужно спуститься на Землю и вселить душу.

— Звучит легко. Что тебя смущает?

— Я сильно нервничаю. Настолько что меня начинает трясти. Я становлюсь больным. С тобой мне как минимум будет не так... страшно. И еще. На Земле меня не было очень много лет. Я не знаю смогу ли оказаться в нужном мне городе. Я не помню, как даже портал вызвать.

— И ты являешься Херувимом. Как ты вообще дожил? — насмешливо спрашивает подруга.

— И еще я боюсь, что за мной могут следить после сегодняшнего. — признался тихо я.

— Тревожник. Никто за тобой не следит. Пока что эту ситуацию пытаются донести Сатане. Как я поняла эту возможность решили предоставить его жене. И уже почти полночь. Тебе главное быть в квартире и сладко спать на своей кроватке утром. Ночью на вряд ли кто-то решит тебя тревожить.

— Может ты и права. Ты в деле?

— Куда деваться...

***

Ровно в полночь мы с Алалией покинули квартиру. Я был одет впервые полностью во все черное. Спортивные штаны, худи и нашел даже кеды. Алалии я отдал такого же цвета пальто. Естественно, мужское и для нее великоватое. Но другого варианта не было. Вне стен квартиры было довольно холодно и темно. Поэтому в светлой одежде незамеченными мы не сможем остаться. А светлые джинсы и розовый топ подруги на вряд ли помогут нам и спасут ее от будущей болезни.

Мешочек с душой мы решили положить во внутренний карман пальто. Так будет не заметнее чем в карманах моего худи.

Нам казалось, что мы идем спокойно и действительно не особо выделились бы на фоне других ангелов и демонов гуляющих обычно, где только душе угодно кроме Центра Небесного Царства. Но случайно кинув взгляд на наше отражение в окнах какого-то дома Алалия толкнула меня в бок с шипением:

— Ты можешь выпрямиться? Такими темпами тебе не заподозрят только в том случае если ты участвуешь в конкурсе Превратить в деда.

— Я и не заметил...

— Видимо ты пересмотрел фильмов с мошенниками. — фыркнула Ли, и мы дальше пошли уже более спокойно и главное с прямыми спинами к нашей цели.

А направлялись мы к какому-то определенному дому. Алалия заверила меня, что спуститься на Землю лучше всего именно на заднем дворе под каким-то деревом. Откуда она это знает я не спросил. И поэтому всю дорогу не только переживал о возможном появлении Высших, но еще и раздумывал над этим самым домом.

Ночь была холодной. Мое худи едва меня согревало если мы вдруг останавливались. Также от холода меня трясло. Правда Алалия так не считала:

— Прекрати дрожать как лист от ветра. — недовольно буркнбула она как-то раз.

— Мне холодно. Ничего не могу с этим поделать. — повторяя ее тон ответил я.

— Рег, это страх, а не холод. Ночь прохладная, но не настолько. — и распахнув пальто она продемонстрировала мокрые круги в области подмышек, которые сильно выделялись на ее топе. — Стирать пальто не буду.

— У каждого разная чувствительность, Ли. — фыркнул я и дальше мы шли молча.

Добирались мы до загадочного дома немного больше получаса. Когда мы остановились напротив деревянного ярко-голубого дома с красной черепицей и такого же цвета ставнями и наличниками, Алалия оповестила:

— Пришли. — голос был ее спокоен и тих. Но заглянув в ее глаза я понял, что она связана как-то с этим домом. Тоска, печаль и даже тревога смешались в ее взгляде на дом. На губах же была едва заметная улыбка. Заметив мой изучающий взгляд, она вздохнула и продолжила. — Это дом моей бабули. Я не говорила, но на самом деле моя семья должна была быть людьми. Но бабушка умерла, еще будучи молодой. И дальше прошла по тому же пути что и ты.

— Она ангел? — удивился я.

— Да.

— А как так вышло, что ты...

— Моя бабушка вышла замуж за демона. — не дослушав меня, ответила Ли. — Мама родилась демоницей и вышла замуж за моего отца. Он тоже демон. Ну и у меня уже не было выбора. —хмыкнув она посмотрела на меня. — В этом доме я провела все детство. Многие полученные знания я получила от бабушки. И много заклинаний я узнала тоже от нее.

— С ней все в порядке? — предчувствуя неладное, уточнил я.

— Да. Просто меня тут не было лет двадцать по человеческим меркам. А дом все такой же. Виноград, который обвивает этот дом, розы в ее палисаднике. Всегда чистые дорожки. — ее улыбка стала шире. Алалия всем видом показывала, что находиться здесь ей одновременно тяжело и легко. Но об этом она пока не решилась заговорить.

Мы стояли прижавшись друг к другу и смотрели на дом. Даже у меня стало появляться ощущение будто рос тут. Но спустя какое-то время Алалия схватила меня за предплечье и потащила не к калитке, а вокруг дома. И только сейчас я заметил, что этот дом стоит на расстоянии от других домов. Из-за этого его и можно обойти вокруг.

Далее мы поступили как самые настоящие воры. Хотя я уже несколько часов ношу этот титул. Алалия расправила крылья, а они у нее такие же красивые и завораживающие, как и глаза. Перья были розовые, а при свете переливались золотистым перламутром. Но в ночи они казались еще красивее, чем могли бы на свету. Ночь делала розовый цвет полупрозрачным. И да, это было обманом зрения. Но все равно не отменяла факта красоты этих крыльев. Затем она взмахнула ими и спустя пару секунд стояла как ни в чем не бывало по другую сторону забора. Она приземлилась настолько тихо, что не было слышно даже как сложились ее крылья. В то время как я проделал то же самое как неуклюжий медведь. Шорох крыльев разрушил тишину и когда я наконец-то сложил, оказавшись рядом с Али, она недовольно цокнула и развернулась, чтобы продолжить путь.

— Нам туда. — вполголоса сказала она, и направилась в сторону огромного дерева. Приблизившись, я увидел плоды дерева и очень удивился тоже вслух:

— Никогда не видел грушу таких размеров.

— Это секреты моей бабушки. — хмыкнула подруга.

Мы обошли грушу. И только сейчас я понял почему Алалия привела меня сюда. Один лишь ствол груши скрывал нас двоих от глаз других. А листва закрыла нас от всего мира. Не удержавшись я сорвал плод с дерева и протерев его о худи откусил.

— М-м-м. — в наслаждении промычал я. — Она такая сладкая!

— Знаю. Встань рядом со мной. — скомандовала Ли. — Дай руку. И расправь крылья, а то вдруг мы окажемся в небе. — переплетя мою протянутую ладонь со своей, Алалия закрыла глаза и расправила свои крылья вновь. Я повторил за ней. — Сконцентрируйся на телепорте. Место я представлю сама. Нужно, чтобы ты просто был готов.

— Хорошо.

Я стал представлять телепортацию, вспоминать те разы моего пребывания на Земле, когда я пытался найти брата. Я пытался воссоздать в голове картинку с моментом телепортации.

Спустя несколько секунд я стал чувствовать, как под ногами пропадает опора и интуитивно крепче сжал ладонь Алалии. Затем почувствовал ветерок. Он словно кружил вокруг

нас играя с волосами, перьями и одеждой. В груди разливалось забытое тепло и щекотливое ощущение. Обычно мы себя так чувствуем, когда ждем приятного сюрприза или радостную новость.

Далее было ощущение будто нас с Алалией раскрутили на карусели. При чем скорость была космической.

Затем резко все исчезло и мои ноги обнаружили опору.

— Хватит жмурится, мы на месте. — услышал я голос подруги.

Открыв глаза первое что, я почувствовал была тошнота, а увидев бледное лицо Ли понял, что она ощущает то же что и я. Проморгавшись решил оглядеться вокруг и ужаса у меня округлились глаза, а металлический запах усилил желание опустошить желудок.

Мы стояли в окружении трупов.

Как минимум я так подумал сначала. Вокруг нас лежали тела исключительно мужчин и каждое было в крови. Отличала их друг от друга лишь изредка вздымающаяся грудь. Я попытался сделать шаг к одному из них и как только шевельнулся понял, что стою на чем-то мягком. Гадать на чем тоже долго не пришлось. Вскрикнув, я взмахнул крыльями и взлетел где-то на метр от трупа.

Алалия же стояла с безразличным лицом. Будто ее вообще не трогало то в какой ситуации мы оказались. Она просто стояла сложа руки на груди и наблюдала за моей реакцией. А когда я закричал лишь закатила зеленые глаза к небу. Между прочим, небо казалось не просто темным, а скорее серым и мрачным. Не было ни одной звезды, лишь одинокий месяц, который заволокла пелена тумана.

— Ты больной? — зашипев, Алалия схватила меня за ногу и потянула к земле. — Они хоть половина и в отключке, но не все же из них лишатся жизни.

Только сейчас я обратил внимание, что крылья Али сложила и вполне была похожа на обычно смертного, если бы не ее глаза. Они светились и были похожи на какое-нибудь зелье ведьмы.

Я опустился и сложил крылья, но скрыть свое омерзение не смог.

— Почему именно это место? — буркнул я.

— Потому что здесь полно тех, в кого мы может посадить твоего братца. Нам нужен тот, кто на волоске от смерти. Считай полумертвый.

— Почему мы не можем его переселить в полностью живого и здорового? — нахмурившись спросил я.

— Рег, а ты прям уверен, что душа твоего брата сможет высели душу задорого человека? Давай вообще его посадим в качка? Чтоб точно душа вернулась туда откуда мы ее так старательно вынесли. Точнее ты.

— Понял. И кого мы тогда выберем... В жертвы?

— Это уже от тебя зависит. Выбирай любого. На вкус и цвет. — усмехнувшись Алалия стала осматривать тела.

— Очень смешно. — фыркнул я. — Тебе вот вообще не мерзко?

— Вообще. Мне плевать, я дома видела и похуже. А твоя Адочка не только видела, но возможно еще и учувствовала. Давай выбирай. У нас не так много времени.

— Да выбираю я. Вот этого. — я ткнул пальцем на тощего до этого наверно светловолосого парня. Из-за крови не разобрать.

— Нет. — прилетело мне от Али.

— В смысле? — удивленно спросил я.

— В прямом. Он уже дохлый. Ищи того, кто дышит.

— А вот что ты будешь делать, если нас заметят тут? Кто-то из офицеров или кто их убирает отсюда. — внезапно задал вопрос я.

— Во-первых, не ты, а мы. А во-вторых, я демон. Не забывай об этом.

— А я Херувим. — передразнил я подругу.

— Не надолго. — хмыкнула она на что получила мой недовольный взгляд. — Ищи.

Я ходил между трупов с омерзением и тошнотой разглядывая их. Никогда не думал, что буду заниматься чем-то подобным. У всех были закрыты глаза, и практически все не дышали. Либо имели серьезные ранения, и я просто боялся оставить в этом теле брата.

— Рег, это душа. Когда она окажется в теле, то начнет восстанавливать организм. Как минимум он будет в нем спокойно жить. — ответила на мое заявления Ли.

— А ты могла раньше об этом сказать? — в возмущении воскликнул я.

— Ты Херувим или я?

— По...мо... — неожиданно услышали мы чей-то хриплый и слабый голос.— Ги...

Мы сразу обернулись на голос, и не сразу обнаружили того, кто взывал о помощи.

Это был парень лет тридцати на вид, волосы вроде были темными, глаза разглядеть не удалось так как они были едва приоткрыты. Тело его находилось в полусидячем положении. На коленях его лежал труп другого окровавленного мужчины. Руки все еще живого парня были в крови. Одна рука лежала поверх товарища, некогда зажимавшая дыру в его груди. Приглядевшись, я увидел кровавое пятно на его плече и струю той же жидкости, стекающей со лба.

Присев возле него мы с Алалией скинули труп с его тела.

— Тебе нужна помощь? — спросил я.

— В... се... — тихо и с большим трудом хрипел он.

— Он не выживет. — констатировала факт подруга, заметив жалость в моих глазах. — Мы не обладаем тем даром...

— Мы можем... — начал я.

— Нет. Заклинания его не спасут. И душа твоего брата навеки будет в этом шаре. — грубо закончила Ли.

— Хорошо. — сразу ответил я. — Давай.

Парень что-то пытался сказать, видимо услышав наш разговор он ничего не понял либо испугался. Мне было действительно жаль его. Он погиб, сражаясь за родину. А вдруг у него есть семья? Бедные дети и жена. Пока Алалия доставала шар, я сжал ладонь парня и дрогнувшим голосом сказал:

— Все будет хорошо.

Одиночная слеза скатилась по щеке бедолаги отчего мое сердце сжалось.

— Вот. — протянув мне душу брата, сказала Алалия. Затем попросив меня жестом встать отступила на два шага от парня. — Тебе нужно разбить его о его грудь. Для этого встань над ним и просто брось шар на грудь. Он хрупкий и разобьется сразу.

Я кивнул и вернулся к парню. Встав над ним наблюдая как медленно поднимается его грудь. И тут заметил, что в области солнечного сплетения видно не только пятно крови, но и маленькая дыра в одежде. Пуля. Мои руки затрясло от жалости. Почему-то на его месте я представлял себя. И мне было больно, но явно не настолько. Я почувствовал, как по моей щеке покатилась холодная слеза. Я искренне хотел спасти этого человека. В этот момент я готов был оставить брата в шаре. Но только стоило этой мысли промелькнуть в голове, как я стал вспоминать брата. И вся моя жалость метнулась в его сторону. Рей. Мой любимый Рей. Он нужен мне.

Зажмурившись настолько, что мне стали чудиться белые мушки, я отпустив шар и.… ничего не услышал.

***

Глава 12.

Открыв г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.